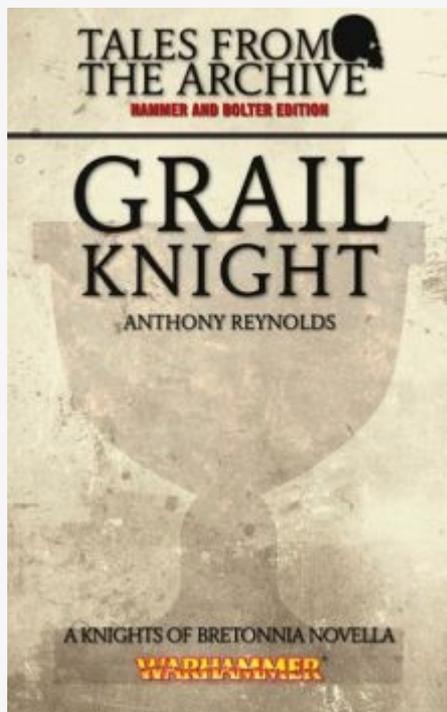

Рыцарь Грааля / Grail Knight (повесть)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Рыцарь Грааля / Grail Knight (повесть)

Автор	Энтони Рейнольдс / Anthony Reynolds
Переводчик	Akmir
Издательство	Black Library
Серия книг	Рыцари Бретонии
Входит в сборник	Рыцари Бретонии / Knights of Bretonnia (сборник)
Источник	Hammer&Bolter
Предыдущая книга	Вечный покой / Rest Eternal (рассказ)
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сага о Каларе из Гарамона близится к финалу. В конце своего Поиска, пробившись с боем через

колдовские чащи лесных эльфов и сразившись с легендарным Зеленым Рыцарем, Калар, наконец, может узреть чудесный Грааль Владычицы...

□

Содержание

I	
II	
III	
IV	
V	
VI	
VII	
VIII	
IX	
XI	
XII	
ЭПИЛОГ	

I

Сумерки сгущались, медленно уступая место темноте. Солнце постепенно скрывалось за западным горизонтом, последние его лучи сияли на доспехах Калара из Гарамона. Потом погасли и они, и землю окутала тьма.

Местность вокруг была дикой и заросшей, над землей висел клубящийся туман. Кое-где снег еще сопротивлялся приходу весны, но цветы, уже начавшие цвести, говорили о ее неминуемом начале. В этой глуши не было дорог, и Калар ехал медленно. В десяти милях позади чередующийся ландшафт уступал место зеленым пастбищам и полям Кенелля, но здесь, на границе с Лорэном, земля была нетронута рукой человека. Древние предки бретонцев хорошо выучили этот урок в прошедшие столетия.

Калар направил своего защищенного доспехами коня вверх по гряде холмов, проезжая сквозь заросли вереска и колючего дрока. Крутые склоны холмов, усыпанные камнями, скрывались в тумане.

Его волосы были длинными и нечесаными, щеки небриты, и все же он излучал неоспоримое величие. Судя по его внешности, он пережил много битв, и это внушало уважение. Его правая рука покоилась на эфесе богато украшенного меча, драгоценной родовой реликвии, по легенде, благословленной самой Владычицей. Второй меч, куда большего размера, был пристегнут к его спине. Это был практичный клинок - тяжелый и лишенный каких-либо украшений, вполне способный разрубить человека пополам одним ударом.

На вершине холма Калар натянул поводья своего серого в яблоках скакуна и посмотрел на восток. Отсюда, с высоты холма, местность простиралась перед ним, как карта.

Его взгляд был устремлен к огромным пространствам дикого леса, до которого оставалось чуть меньше

мили. Лес простирался перед ним, словно бесконечный темный океан, неизмеримые глубины которого таили бессчетные тайны и скрытые опасности. Даже отсюда Калар чувствовал могущество леса, странную, таинственную и пугающую атмосферу, от которой волосы на затылке вставали дыбом.

Это был лес Лорэн, место наваждений и кошмаров, тайн и магии.

Густо заросшая опушка леса напоминала гигантскую стену некоей великой древесной крепости, простираясь на север и на юг, насколько хватало взгляда. Ни одно дерево не выступало за ее четкую границу, ни один крошечный побег, словно некая незримая сила удерживала их. Калар знал, что в конце концов за лесом начинаются подножия Серых Гор, но отсюда казалось, что лес простирается бесконечно. Низкие тучи нависали над верхушками самых высоких деревьев, и в нескольких милях дальше лесные чащи скрывались в тумане.

Темный, непроницаемый и полный древней магии лес Лорэн давно волновал сердца и умы всех сынов и дочерей Бретонии. С детства они слышали истории об этом легендарном месте, о своенравных существах нечеловеческой красоты и оживших деревьях, об озорных духах-обманщиках и злобных лесных созданиях, завлекающих в ловушки неосторожных людей. По ночам по всей Бретонии можно было услышать истории о феях, которые приглушенными голосами рассказывали и у костров самых нищих крестьян, и в величественных залах королевского дворца.

Лишь немногие осмеливались нарушать границы древнего леса, и еще меньше из этих немногих возвращались оттуда. Тех, кто все же сумел найти путь обратно из леса, часто находили бродившими у его опушки, и что-то неразборчиво лепетавшими, их разум был разорван в клочья.

Если хотя бы часть историй, которые рассказывали об этих диких чащах, была правдой, к этому месту следовало приближаться с величайшей осторожностью.

Однако Калар не испытывал страха, ибо он был здесь по воле Владычицы, богини-покровительницы Бретонии.

В небе засветились первые звезды, словно крошечные точки на крыше мира. Ярче всех была вечерняя звезда, низко висевшая в восточном небе над лесом. Известная как Милость Владычицы, она загоралась в небе первой, а наутро исчезала последней.

- Я следую туда, куда ты ведешь меня, Владычица.

На мгновение Калар еще задержался на вершине каменистого холма, наслаждаясь раскинувшимся перед ним прекрасным видом. На кромке гряды он видел остроконечную скалу. Вечерняя звезда сияла над ней, словно маяк.

- Вперед, Галибор, - сказал рыцарь, слегка прищпорив коня. Он съехал с гряды, направляясь туда, где в небе светилась вечерняя звезда - к темной громаде леса Лорэн.

На самом краю леса был установлен путеводный камень в двадцать футов высотой, испещренный изящными витыми рунами. Гладкая поверхность камня была увита плющом, и Калар, подъехав к нему, почувствовал странное ощущение мурашек по коже.

Галибор топнул копытом, раздувая ноздри. Калар ощутил, как могучие мышцы коня напряглись, и крепче сжал поводья.

Будучи еще молодым рыцарем, Калар ездил на предке этого скакуна - Гренголе, и знал родословную

своего коня. По своей природе боевой рыцарский конь был воинственным и агрессивным, и хотя Галибор лишь недавно попал к Калару, рыцарь был уверен, что его скакун бесстрашен в бою, и знал, что проявлять такое беспокойство как сейчас для коня необычно.

- Успокойся, мой храбрец, - прошептал он, погладив шею коня.

Конь немного успокоился, хотя Калар чувствовал, что животное взволновано. Более того, часть этого волнения передалась и ему.

Еще в детстве, когда Калар только учился охотиться, его учили не смотреть прямо на оленя или кабана, потому что звери могли инстинктивно почувствовать на себе взгляд охотника. Сейчас Калар испытывал похожее странное ощущение, что за ним наблюдают, некую тревогу в глубине души. Он чувствовал себя уязвимым, словно жертва под взглядом невидимого хищника.

Оторвав взгляд от путеводного камня, он посмотрел на границу леса. Среди деревьев таились тени, но Калар не увидел явной угрозы. Из лесного мрака поднимался туман, его завитки тянулись к Калару, вились между ногами коня, который снова зафыркал, роя землю копытом.

- Там ничего нет, - сказал Калар, больше убеждая себя, чем коня.

Он спрыгнул с седла и подошел к путеводному камню. Над ним возвышались огромные дубы, их толстые ветви словно стремились преодолеть ту незримую силу, что удерживала их на границе леса. В тени леса было холодно; ледяной холодок, казалось, поднимался от темной земли под ногами. Из глубин леса исходило смутное ощущение угрозы, словно сам лес возмущался сдерживавшей его границей.

В детстве Калар мечтал о том дне, когда он увидит легендарный лес Лорэн, но сейчас, стоя перед его границей, когда надвигалась ночь, Калар подумал, что это было довольно глупое желание.

Прошлой ночью он был гостем лорда Эльдекара из Тукона, пожилого дворянина из Кенелля, и в честь Калара был устроен пир. Но клятва Поиска не позволяла долго оставаться в одном месте, и когда Калар высказал свое намерение отправиться дальше, весь зал затих.

- Если я обидел вас, это было непреднамеренно, и я приношу свои извинения, - сказал Калар, не зная, не нарушил ли он какие-нибудь местные правила учтивости.

Эльдекар отмахнулся, но его брови были тревожно нахмурены.

- Нет, конечно нет, - сказал Эльдекар, нарушив неловкую тишину. - Но вы же знаете, сэр рыцарь, что сейчас канун весеннего равноденствия?

Калар нахмурился и пожал плечами.

- Вам не приходилось жить в тени леса, поэтому ваше непонимание вполне простительно, - пояснил Эльдекар. - Но даже в Бастони вы, наверное, слышали истории о Дикой Охоте?

- Когда барьеры иного мира рушатся, и свита короля фей скачет по ночному небу? Конечно, но это же всего лишь суеверия?

Лицо Эльдекара оставалось мрачным.

- Хоть я и стар, но зарублю любого, кто посмеет назвать меня трусом, - сказал он. - И все же в весеннее

равноденствие после наступления ночи я не стал бы выходить за порог. Как и любой разумный человек в Кенелле.

- Я должен ехать дальше по воле Владычицы, - ответил Калар. - Моя вера станет щитом против любого колдовства фей.

- Тогда я буду молиться за вашу душу, Калар из Гарамона.

Калар вспомнил эти слова сейчас, стоя на краю леса, и его охватила невольная дрожь.

- Суеверия, не более того.

Подойдя к путеводному камню, он вынул из ножен Меч Гарамона. Перехватив рукоять древнего оружия, Калар всадил клинок в сырую землю и, опустившись на одно колено, прикоснулся лбом к навершию рукояти, выполненному в виде геральдической лилии.

- Ты призвала меня, Владычица, и я ответил, - прошептал он. - Дай мне видение воли Твоей. Дай мне знать, что я должен совершить, и я с радостью исполню это.

Калар замер неподвижно, закрыв глаза в молитве. Его дыхание стало более ровным и глубоким, и он ощутил, как его охватывает удивительное чувство спокойствия. Все его тревоги и сомнения исчезли.

Вскоре он почувствовал поблизости чье-то присутствие. Открыв глаза, Калар увидел на самом краю леса величественного оленя, смотревшего на него. Олень был огромным, крупнее даже, чем Галибор, его ветвистые рога достигали десяти футов от одного конца до другого. Его густая зимняя шерсть блестела, и сам он казался призрачным во мраке леса.

Никогда еще Калар не видел такое величественное создание, он даже не знал, настоящий это олень, или только привидевшийся ему.

Неспешно двигаясь, олень направился в лес. Пройдя десять шагов, он остановился и, повернувшись, посмотрел на Калара. Его намерения были ясны; олень хотел, чтобы Калар следовал за ним.

Это воля Владычицы или какое-то колдовство леса, пытающегося завлечь рыцаря в свои пределы?

Уже не в первый раз Калар ощутил желание уехать прочь из этого места, чтобы присоединиться к войску короля и сражаться с легионами оживших мертвецов из Музильона, начавших нашествие на его родину. Конечно же, его место там?

Калар встряхнул головой, отбрасывая эти сомнения. Нет, Владычица привела его именно сюда, и честь обязывает его пройти это испытание до конца.

Поднявшись, он спрятал меч в ножны и взял поводья коня. Галибор не сопротивлялся, когда хозяин повел его к краю леса, но Калар чувствовал, что конь дрожит.

Рыцарь остановился на самом краю леса. Олень продолжал смотреть на него, ожидая.

- Благословенная Владычица, защити Твоего слугу, - прошептал Калар, и вошел в лес.

II

Дрожь, не имеющая ничего общего с холодом, охватила Калара, когда он пересек границу Атэль Лорэна.

Даже воздух здесь мгновенно стал ощущаться иначе, он был чистым и свежим, словно в зимнее утро. Стало заметно холоднее. Ледяной воздух наполнил легкие, принес с собой аромат леса – смесь запахов земли, дождя, гниющих листьев и других, менее различимых, но приятных ароматов. От дыхания в воздухе клубился пар. Между изогнутыми корнями деревьев стелился туман.

Краем глаза Калар замечал какое-то движение, будто невидимые существа шуршали в подлеске. В кронах деревьев над головой он слышал щебет и порхание крыльев. Иногда с деревьев сыпались ветки, сухие листья и снег, но Калар не успевал увидеть, что было причиной этого.

Вокруг возвышались огромные дубы, их древние стволы были бугристыми и корявыми, а толстые ветви густо поросли лишайником. Звезды в небе то были видны, то нет, закрываемые переплетением голых ветвей, похожих на кости. На ветвях не было видно ни новых листьев, ни почек; казалось, тут еще царил зима.

В сгущавшихся сумерках лес казался словно одноцветным, как будто за зимние месяцы все цвета покинули его. Деревья без листьев были цвета камня, папоротники под ними сияли серебром, словно их листья были из металла. Это было царство холодной красоты, призрачное и безмолвное.

Белый олень ждал Калара, наполовину скрытый туманом. Внимательно посмотрев на рыцаря, олень повернулся и пошел дальше в лес, убедившись, что Калар следует за ним.

Животное без усилий двигалось сквозь лесную чащу, но Калар спотыкался о камни и корни, ветви царапали его лицо и цеплялись за волосы. Казалось, что лес преднамеренно затрудняет ему путь, мешая на каждом шагу. Когда он уже хотел отбросить эту мысль как очевидную глупость, его нога зацепилась за переплетение корней, которые, казалось, затянулись вокруг его голени словно петля. Калар рухнул на колени, выругавшись. Ему показалось, что поблизости раздался тонкий, словно детский, смех, но звук мгновенно замолк, и, возможно, это был лишь шум ветра в ветвях.

Его взгляд привлек блеск металла в подлеске. Выпутавшись из сплетения корней, Калар раздвинул заросли папоротников, чтобы лучше разглядеть, что там блестит.

Под корнями огромного дуба лежал труп. Казалось, будто корни медленно утаскивают его под землю, словно поглощая, но, хотя останки наполовину ушли в землю, Калар увидел достаточно, чтобы опознать бретонского рыцаря.

Рыцарь был мертв уже давно, его доспехи заржавели и покрылись грязью, на голом черепе не осталось ни клочка кожи, хотя клочья рыжеватых волос еще цеплялись за скальп и подбородок.

Из левой глазницы черепа торчала тонкая стрела.

Держа руку на эфесе меча, Калар внимательно осмотрел местность. Серебристые лучи лунного света проникали сквозь ветви деревьев, в их сиянии лес выглядел нереально, будто во сне. Тени танцевали вокруг, деревья скрипели и стонали, словно корабли в море, хотя ветра не было.

Калар уже хотел вытащить тело рыцаря из-под корней и похоронить подобающим образом, ибо не один бретонский рыцарь не заслуживал такого унижения в смерти. Но, подумав, он с неохотой отказался от этой мысли – корни дерева крепко оплели труп, и вырвать его у них будет нелегко. Калар прошептал короткую молитву, пожелав душе рыцаря обрести покой в царстве Морра.

Оглянувшись туда, откуда он вошел в лес, Калар ожидал увидеть путеводный камень на границе леса и открытую местность за ним. В конце концов, он вошел вглубь леса не больше чем на двадцать ярдов. Но

позади него была такая же непроницаемо густая чаща, как и впереди.

- Что, во имя Владычицы...

Он повернулся на месте, думая, как он мог заблудиться. Лес простирался во всех направлениях, темный и зловещий. Его края нигде не было видно. Калар нахмурился. Ни одно дерево и ни один камень вокруг не выглядели знакомыми – ничего, что могло бы помочь найти путь назад.

Белый олень тоже пропал.

Преодолевая нарастающую тревогу, Калар внимательно осмотрел землю вокруг, пытаясь обнаружить следы оленя, но не нашел их. Олень исчез без следа, словно был призраком.

Вспоминая истории о том, как лес заманивал неосторожных путников в свои пределы, навстречу неминуемой страшной участи, ожидавшей их там, Калар выругал себя за глупость. Он был так уверен, что, следуя за величественным оленем, исполняет волю Владычицы. Но теперь, заблудившись в лесу ночью, он уже не был в этом так убежден.

Калар повернул назад. Возможно, это всего лишь какая-то игра света, и он сможет выбраться из леса в любой момент.

Чем дальше он шел, тем более густым и темным становился лес. Уже через несколько минут Калар понял, что этот путь не выведет его назад. Вокруг становилось и холоднее, отдельные участки снега на земле вскоре превратились в сплошной снежный слой, скрипевший под ногами и становившийся все толще.

Оказавшись посреди этой неестественной зимы, Калар повернул обратно и пошел по своим следам, намереваясь вернуться к трупу рыцаря и выбрать другое направление.

К счастью, по мере того, как он шел обратно, слой снега становился тоньше. Но больше не было никаких признаков того, что он уже проходил этим путем.

Калар был опытным следопытом и охотником, и долгие периоды жил в диких лесах Старого Света. Он всегда полагался на свои силы и был уверен в своих способностях выживать в таких ситуациях. Но оказавшись здесь, в мрачном царстве Атэль Лорэна, он чувствовал себя как заблудившийся ребенок, уязвимый и не знающий, в какую сторону повернуть. Его обычно безупречное чувство направления покинуло его, но он доверял своим инстинктам достаточно, чтобы понимать, что это не какой-то промах с его стороны, но что-то иное усиленно старается дезориентировать его. Казалось, будто сам лес запутывает его чувства.

Он забрался на ствол упавшего дерева, наполовину зарытый в землю, но путь впереди был закрыт непроницаемой гущей ветвей. Калар повернул назад, намереваясь найти другое направление.

Невероятно, но бревно, на которое он только что взбирался, исчезло. Даже его следы пропали – снег позади него был нетронут.

- Это безумие.

Он услышал позади шепчущий смех и быстро обернулся. Лес был абсолютно безмолвен.

Тишина опустилась словно саван, гнетущая и всеобъемлющая.

Ни в подлеске, ни в кронах деревьев над головой не было никакого движения, словно само время застыло. Не было даже дуновения ветерка, чтобы нарушить эту иллюзию. Воздух был полон напряжения. Это было, казалось, обманчивое затишье, которое бывает перед яростной бурей.

Стараясь двигаться как можно тише, Калар вытащил меч.

Он заставил себя дышать ровно, очистив разум от сомнений и прогнав нервное напряжение. Что бы ни произошло, он встретит это без страха и нерешительности.

За семь лет, прошедшие с начала его Поиска, он сражался с огромными троллями среди снежных бурь северных земель. Он выследил и убил ужасного джабберслита в лесах Оствальда в Империи. В подземных лабиринтах под Горами Скорби его преследовали мертвенно-бледные слепые огры-мутанты - и он вышел победителем. Он сразил - несколько раз - чудовищную виверну, восставшую из мертвых. Не так давно он путешествовал в кошмарные земли Музильона и бился с неуспокоенными мертвецами. Он встретился там со своим братом, превратившимся в страшного вампира - и, не дрогнув, отправил его в царство Морра.

Он буквально побывал в аду и сумел вернуться оттуда - пылающие небеса царства Хаоса до сих пор снились ему. В мире было немного такого, что могло бы действительно испугать его.

Но когда он обернулся, его взгляд наткнулся на нечто, от чего волосы на его затылке встали дыбом.

Недвижная фигура смотрела на него в лучах лунного света.

Это был рыцарь, облаченный в богато украшенные пластинчатые доспехи старинного образца. Совершенно неподвижный, он стоял на каменистом выступе, поднимавшемся из-под снега и папоротников. Его огромный силуэт был зеленовато-серым, словно древняя скала, и его можно было бы принять за статую, если бы не сверхъестественный свет его глаз, холодно горевших в прорезях шлема.

Сердце Калара страшно заколотилось.

Это был Зеленый Рыцарь.

III

Калар застыл на месте, его сердце бешено стучало.

Рыцарь, злобно смотревший сейчас на него, был героем мифов и легенд, и хотя каждый молодой рыцарь в Бретонии надеялся увидеть воочию этого сверхъестественного воина, лишь немногие верили, что когда-нибудь им выпадет такая судьба.

Калар видел изображения Зеленого Рыцаря тысячу раз - в пьесах, на картинках в книгах, на мозаиках из цветного стекла. Но ничто из этого не могло подготовить его к этому зрелищу в реальности.

Зеленого Рыцаря боялись и почитали в одинаковой степени. Иные говорили, что это бессмертный дух самого Жилия Объединителя, основателя Бретонии, и что он служит Владычице даже в смерти. Лишь немногие видели воочию этого грозного призрака, и те, кто его видел, мало говорили об этой встрече.

По легендам, древний дух мог явиться рыцарю, чей Поиск близился к завершению - и вызвать его на бой, дабы испытать решимость воина. У Калара пересохло во рту при мысли, что, возможно, настало его время.

Руки Зеленого Рыцаря, защищенные латными перчатками, покоились на рукояти широкого меча – Клинка Скорби – воткнутого в землю. Сколько душ, сочтенных недостойными, было сражено этим грозным оружием?

Долгие годы Калар мечтал о встрече с этим могущественным посланцем Владычицы, но сейчас он просто застыл на месте и едва мог дышать. Он чувствовал, как его охватывает дрожь страха, которого он не испытывал с тех пор, как был молодым странствующим рыцарем. Несмотря на холод, по его спине лился пот. Его пальцы сжались на рукояти меча, и наконец он заставил себя сделать вдох.

Все это время Зеленый Рыцарь стоял неподвижно, взгляд его глаз, казалось, прожигал саму душу Калара. Туман поднимался с земли и обвивался вокруг призрачного воина, словно плащ.

Одним движением Зеленый Рыцарь выдернул меч из земли и пошел навстречу Калару.

Туман, вившийся вокруг призрачного воина, хлынул к Калару словно поток, и окутал его беззвучной волной. Калар мгновенно ощутил леденящий холод. Галибор позади заржал и встал на дыбы, но Калар не обернулся, не в силах оторвать взгляда от призрака, надвигавшегося на него.

Все, казалось, исчезло из вида кроме его сверхъестественного врага. Туман все сгущался, и лес вокруг в этой мгле сначала стал смутным и расплывчатым, а потом вовсе скрылся за туманом. На мгновение Калар услышал странную и тревожную музыку, мелодия была невероятно прекрасной. Он услышал песню чудесных нечеловеческих голосов, наполненную такими чувствами и такой печалью, что на глаза Калара навернулись слезы.

Бурлящие вихри тумана закружились вокруг него, подхваченные внезапным ветром. Зеленый Рыцарь шел вперед, сквозь удушливый туман продвигаясь к Калару, но мгла становилась все гуще, и, казалось, расстояние между противниками начало увеличиваться. Калар, ускорив шаг, бросился навстречу Зеленому Рыцарю, но туман сгущался.

Сверхъестественный воин становился все менее различимым. Его страшные горящие глаза и сияющий клинок потускнели, словно огни корабля, удаляющегося от берега среди ночи.

- Нет! - закричал Калар, побежав быстрее и чувствуя, что возможность испытать себя в поединке с Зеленым Рыцарем ускользает. - Нет!

Он бежал, пытаясь не упустить из виду Зеленого Рыцаря, но спустя несколько ударов сердца призрака исчез в густом тумане. Калар остался один посреди пустоты.

Он двигался вперед, держа меч и щит наготове, и ожидая, что Зеленый Рыцарь в любой момент появится снова и нападет на него. Его шаги были осторожны, он нащупывал путь в тумане, остерегаясь ям и камней.

Туман приглушил все звуки, но спустя несколько мгновений Калар понял, что слышит что-то: глухой рев, похожий на дальний гром или на шум волн, бьющихся о далекий берег. Невозможно было определить направление, откуда исходил звук, и, не имея ориентиров, Калар быстро потерялся в тумане.

Долгие минуты он двигался вслепую. Вокруг раздавался шум текущей воды, иногда на его щеки попадали брызги. Он шел по щиколотку в воде. Крошечные водовороты кружились в потоке под его ногами.

Ему показалось, что он что-то видит впереди – какой-то неясный танцующий свет в тумане, возможно

фонарь или факел. Снова он услышал ту неземную тревожную музыку. Свет покачивался, колебался и словно плясал, завораживающий и странно манящий, будто звал его. Калар невольно сделал шаг вперед, но остановился, вспомнив истории о злых духах леса, которые блуждающими огнями заманивали неосторожных путников навстречу смерти.

Как только эта мысль пришла ему в голову, танцующий свет исчез. Туман начал отступать, поднимаясь, словно занавес.

Как только лес вокруг стал виден более отчетливо, Калар поспешно шагнул назад. Он стоял на самом краю скалы в сто футов высотой. Еще один шаг вперед, и он сорвался бы со скалы.

Его голова закружилась; он смотрел на полог леса внизу. Лес простирался в бесконечную даль, верхушки деревьев блестели под серебристым светом Маннслиб.

Обернувшись, Калар внимательнее рассмотрел, где он находится. Сверху падал второй водопад, стекая в глубокий водоем. Поверхность воды пузырилась и сияла, словно жидкий металл. Рев водопадов был оглушительным, воздух наполняли брызги, сверкавшие как алмазная пыль. Галибор стоял поблизости и пил из водоема.

Пробравшись по мелководью, Калар выбрался на берег водоема и всмотрелся в лесную чащу. Дальше чем на десять ярдов ничего не было видно; лес казался почти непроницаемым.

Небо было ясным, что позволило Калару сориентироваться по звездам. Он удивленно покачал головой. Судя по всему, он удалился на много миль от границы леса и сейчас фактически был ближе к Серым Горам на востоке, чем к западной границе Лорэна. Кроме того, он оказался гораздо севернее, чем ожидал. Однако, если идти еще день и ночь, то он сможет выйти к северной границе леса.

Он свистнул, и Галибор повернулся к нему.

- Пойдем, - сказал Калар, и боевой конь послушно пошел по мелководью к хозяину.

Калар взял поводья коня и приготовился снова войти в лес. В последний раз он оглянулся через плечо на клубы пара, поднимавшиеся над водопадом.

Прежде чем отвернуться, Калар заметил, как со скалы что-то сорвалось в воду. Оно быстро исчезло из виду, скрывшись в бушующем потоке, но за прошедшее мгновение Калар успел увидеть, что это было тело человека.

IV

Без промедления Калар бросился в ледяную воду. Упавшее тело исчезло под поверхностью бушующей воды, но он заходил все глубже, борясь с мощным течением. Он не знал, можно ли выжить после такого падения, и так как упавшее тело не всплыло, начал опасаться, что оно застряло в камнях или течение уже унесло его ко второму водопаду.

Калар присел, скрывшись под поверхностью воды, но там невозможно было ничего разглядеть. Когда он вынырнул, то увидел, что тело упавшего несет течением ко второму водопаду. Рискуя сам быть подхваченным течением, Калар бросился вперед и схватил упавшего за руку.

На мгновение он оказался в безвыходной ситуации - из-за сильного течения он не мог вытащить тело, но не хотел бросать его. Застонав от усилия, он все же вырвал тело из потока и вытянул его на мелководье.

Тяжело дыша, Калар выбрался на берег, промокший до нитки.

Это было тело человека, облаченного лишь в набедренную повязку из сплетенной травы и веток и тяжелый плащ из рыжевато-коричневых перьев. Он был худым и стройным, а его конечности длинными и сильными. На голове был шлем из темной кожи, украшенный ветвистыми рогами, похожими на олени. Волосы цвета песка, заплетенные в затейливые косы и узлы, свисали до пояса. Его шею и руки украшали десятки ожерелий, шейных гривен и браслетов, а на спине висел большой охотничий рог. Его бледная кожа была покрыта сложными татуировками и боевой раскраской. Кожу иссекало множество кровавых рубцов, словно его секли бичом почти до смерти.

Калар перекатил бесчувственное тело на спину, сдвинув тяжелый охотничий рог, чтобы он не мешал. Мгновение рыцарь изумленно смотрел на странное бледное лицо, черты которого были удлинненными и угловатыми, а из-под спутанных волос торчали высокие заостренные уши. Лицо было по-своему красивым, но совершенно нечеловеческим.

Многие в Бретонии открыто говорили, что не верят в существование «волшебного народа» - лесных эльфов, по легендам обитающих в лесу Лорэн. Но здесь перед глазами Калара было доказательство их существования.

Калар опустил на колени и прижал ухо к груди эльфа. Сердце билось слабо и прерывисто. Грудь эльфа не двигалась. Подержав руку у рта и носа эльфа, Калар убедился, что тот не дышит.

Сжав одной рукой челюсть эльфа, Калар склонился над ним и вдохнул воздух в его легкие.

После нескольких таких вдохов эльф конвульсивно дернулся. Он закашлялся, выплевывая воду из легких, и его глаза открылись. Глаза были большими и миндалевидными, с золотистыми зрачками.

- Нот'атэль'марех'танет'урль'аран, - сказал эльф, пытаясь подняться. Когда он увидел Калара, его глаза испуганно расширились. Он потянулся за оружием, но ножны на его поясе были пусты.

- Я не собираюсь причинять тебе вред, - сказал Калар, успокаивающе подняв руки.

Эльф склонил голову набок и прищуренными глазами внимательно посмотрел на рыцаря.

Внезапно в воздухе раздался пронзительный вопль, и Калар схватился за оружие. Это не был крик человека, или какой-либо птицы или зверя. Он был яростным, кипящим злобой и обещанием боли.

Эльф что-то прорычал и, опираясь на скользкие от воды камни, поднялся, стиснув зубы и преодолевая боль от ран. Он не мог стоять без поддержки, но все равно внимательно смотрел на край леса. Калар был удивлен, что эльф вообще жив, учитывая его раны.

- Дрича нот Курноус атос, - произнес эльф, выплевывая слова как проклятье. Силы покинули его, глаза закатились в глазницах, и он беззвучно рухнул на землю.

Подойдя к нему, Калар прикоснулся пальцами к его горлу. Пульс был слабым, кожа эльфа приобрела нездоровый синеватый оттенок. Если его не согреть и не обработать его раны, эльф наверняка не переживет эту ночь.

Снова ужасный крик раздался среди деревьев. На этот раз вопль прозвучал ближе, и хотя определить было трудно, Калар предположил, что это где-то в полулиге отсюда. Почти сразу за ним последовал другой вопль, немного дальше, с нового направления. Это были голоса хищников, охотившихся вместе, в манере волчьей стаи, хотя это явно были не волки, а нечто несравненно более опасное. Вскоре

прозвучал еще один крик, еще ближе, и Калар понял, что он уже окружен.

Подняв эльфа на плечо и удивляясь тому, какой он легкий, Калар положил его на седло своего коня, и взял поводья.

Нужно найти убежище и быстро – место, где можно спрятаться от того, что охотилось на них, и обработать раны эльфа. Держась ближе к скале, Калар повел коня обратно к лесу, полагая, что лучше всего будет найти пещеру или хотя бы нависающий выступ на скале. В скале было множество трещин, но лишь немногие были достаточно большими, и никакая из них не могла защитить от ледяного ветра или глаз хищников.

Раздался еще один вопль, громче всех остальных. Охотники быстро приближались.

Калар заметил расселину в скале, которая была немного шире остальных, и в отчаянии направился к ней, ведя за собой Галибора. Ее ширины едва хватало, чтобы пропустить рыцарского коня, но Калар прошел в нее, молясь Владычице. По отвесным сторонам расселины стекали капли воды, за ее камни цеплялись папоротники.

Ущелье сужалось, и Калар начал бояться, что ему придется повернуть назад. Галибор недовольно фыркнул, но не сопротивлялся, продолжая идти за хозяином. Через двадцать шагов ущелье превратилось в туннель, уходивший глубоко в скалу.

Проскользнув мимо Галибора, Калар ветвями папоротников замаскировал следы в снегу насколько возможно, прежде чем продолжить путь дальше в темноту.

В туннеле раздавалось эхо от шума водопадов, и оно становилось тем громче, чем дальше они проходили. Первые несколько шагов в туннеле Калар сделал в почти полной темноте, но потом путь впереди стал постепенно светлеть; скопления кристаллов на стенах пещеры излучали слабое фосфоресцирующее сияние.

Калар остановился рядом с одним таким скоплением. Это была масса острых, словно кинжалы, кристаллов, многие были длиной с его предплечье. Синевато-белый свет, который они излучали, пульсировал, словно биение сердца. Всмотревшись вблизи, Калар увидел крошечных существ, похожих на пауков, которые ползали по кристаллам, словно пчелы в улье. Их хитиновые тела блестели словно перламутр и тоже пульсировали внутренним светом.

На пути дальше образования кристаллов становились все более крупными и сложными. Наконец туннель привел в широкую, залитую светом пещеру, похожую на хрустальный собор.

Огромные колонны из кристаллов поднимались от пола до потолка пещеры. Большие кристаллические образования, свисавшие вниз словно люстры, сияли холодным светом.

В пещере слышался приглушенный рев водопадов. Калар в изумлении бродил по хрустальным залам, ведя в поводу Галибора с бесчувственным телом эльфа на спине. Он подошел к отверстию в скале, похожему на огромное арочное окно, только вместо стекла в нем мерцал поток воды. Они оказались позади водопада.

Кто-то не так давно использовал это место для устройства лагеря. Во впадине в полу пещеры Калар увидел золу и угли от костра, а в нише в стене были сложены дрова и сухой трут. Судя по подстилкам из листьев на выступах вокруг ямы для костра, их использовали как постели.

Калар не знал, кто мог искать убежища в этом месте, и не вернуться ли они, но он отбросил все сомнения и возблагодарил Владычицу за то, что она привела его сюда. Сняв эльфа с седла Галибора, Калар положил его на подстилку из листьев. Кожа эльфа была холодной и серой, из ран текла кровь. Сердце его билось очень слабо, а дыхание было едва заметным. Понимая, что его нужно согреть, Калар начал разводить костер.

Через несколько минут в яме уже шумел огонь, и Калар стал осматривать раны эльфа.

Татуированная кожа эльфа была покрыта царапинами и резаными ранами. Большинство ран приходилось на верхнюю часть тела и торс. На спине было лишь немного ран – это свидетельствовало о том, что эльф стоял лицом к врагу. Особенно изодраны были его руки.

В его кожу вонзились десятки крючковатых шипов, некоторые из которых достигали нескольких дюймов в длину. Из них сочился липкий зеленый сок с едким запахом.

Некоторые из ран были поверхностными – несомненно, болезненными, но не угрожающими жизни – но многие были достаточно глубоки, чтобы внушать серьезную тревогу. Калар поморщился, осматривая одну особенно страшную рану.

Из разорванного бока эльфа, словно ветки, торчали сломанные ребра, и непрерывно лилась кровь. Если рану не обработать, он истечет кровью до смерти. Но даже если остановить кровотечение, это никак не гарантирует, что эльф выживет.

Пугающе выглядели и ненормального цвета пятна, окружавшие каждую рану и распространявшиеся под кожей, словно корни дерева. Эти зловещие пятна были темно-зелеными; несомненно, яд.

Калар немедленно начал удалять шипы. Прежде всего он сосредоточил усилия на серьезной ране в боку, очистив и зашив ее насколько возможно. В маленькой чашке он растер смесь трав, которые набрал в своих странствиях, смешав их с остатками меда из глиняного кувшина, который он приобрел в Империи шесть месяцев назад. Травы были лекарственными, и в смеси с медом должны были помочь предотвратить инфекцию. Калар нанес получившуюся мазь на рваную рану эльфа, и, отрезав полоски ткани от запасной рубашки, перевязал ее.

Он обрабатывал раны эльфа целый час. Иногда эльф что-то кричал в бреду, но его слова было не разобрать. Несколько раз он словно бы приходил в себя, но взгляд его остекленевших глаз был устремлен в никуда, и он будто не замечал присутствия Калара.

В своем рогатом головном уборе эльф даже будучи без сознания излучал некое варварское величие. Нечеловеческие черты его лица подчеркивались холодным светом кристаллов на стенах. В этом свете его кожа казалась почти прозрачной. Было невозможно определить возраст эльфа – ему могло быть двадцать лет, а могло быть и двести, ибо по легендам эльфы были очень долго живущими, возможно, даже бессмертными. Продолжительность их жизни, как говорили, была даже больше, чем у гномов.

Костер горел ярко, и в пещере уже было тепло. Полагая, что он сделал для эльфа все, что было в его силах, Калар решил позаботиться о Галиборе. Он почистил коня щеткой и проверил его ноги и копыта на предмет повреждений. Только когда конь был накормлен и напоен, Калар позволил себе немного расслабиться. Прислонив свой полуторный меч и щит к стене пещеры, он устроился на одной из лиственных подстилок. Меч Гарамона он положил на колени, привычная тяжесть оружия действовала успокаивающе. Подкрепившись солониной и глядя на водопад, Калар погрузился в свои мысли.

Прошло уже семь лет с тех пор, как он возложил копье на алтарь Владычицы и отправился в Поиск.

Принеся клятву богине, он оставил свои богатства и владения, и назначил своего юного кузена Орландо регентом-правителем Гарамона под надежным руководством барона Монкадаса. Не владея больше в миру ничем, кроме того, что он и его слуга Клод взяли в путь, Калар уехал из замка Гарамон, намереваясь довести свой Поиск до конца - или погибнуть.

Годы странствий закалили его, словно меч в горниле. Из всех испытаний, выпадавших ему в пути, Калар вышел победителем, и с каждым месяцем его тело, разум и душа становились сильнее.

Он надеялся, что теперь его путешествие близилось к концу.

Тогда, в Музильоне, видение поразило его, словно молния, прямо посреди боя, с такой силой, что у него перехватило дыхание, и он рухнул на колени. Оно длилось лишь несколько секунд, но ослепительный ряд образов навсегда остался запечатлен в его разуме. Даже сейчас он видел их, когда закрывал глаза.

До сих пор он еще не мог понять в полной мере, что значило это видение, но верил, что со временем все станет ясно. Владычица желала, чтобы он следовал за вечерней звездой на восток - и так он оказался здесь.

Как ни отвратительно было ему покидать проклятый Музильон, не сразив дьявольского герцога Меровеха, Калар не мог пойти против воли Владычицы. И хотя он знал, что сейчас Меровех и его чемпионы-кровопийцы напали на Бретонию во главе огромной армии оживших мертвецов, он не мог присоединиться к рыцарям короля, пока не выполнит то, что требует от него Владычица.

Из проклятого герцогства с Каларом уехали еще двое: Клод, его горбатый слуга, и Рабен, рыцарь-изгнанник, запятнанный позором, но вставший на трудный путь искупления. Преследуемые кошмарными псами герцога Меровеха, они втроем бежали из Музильона.

Зная, что нужно поспешить, и что путь, предначертанный Владычицей, предназначен лишь для него одного, Калар попрощался со своими спутниками, когда они покинули границы Музильона, и поскакал на восток.

Клоду он велел перейти на службу к Рабену. Горбун и рыцарь-изгнанник вдвоем отправились на север, в Леонуа, чтобы поднять тревогу. Они своими глазами видели, какую страшную угрозу представлял Меровех, и, когда покидали город, успели увидеть армию, которую герцог-вампир буквально поднял из земли. Тысячи и тысячи давно мертвых воинов стояли неровными рядами на опустошенных полях к северу от Музильона.

Взгляд Калара снова остановился на пепельном лице эльфа.

Владычица привела его сюда, чтобы спасти этого воина - в этом Калар не сомневался. Но зачем? Какова бы ни была причина, он надеялся, что эльф доживет до рассвета. Теперь его судьба в руках богов.

Шум водопада успокаивал и усыплял звуком льющейся воды и игрой ее отблесков на кристаллических стенах в свете костра. Калар впал в странную полудрему. Ему казалось, что он видит в водопаде стройных женщин, смотревших на него из льющейся воды, чья обнаженная плоть была цвета океана. Он слышал, как они поют, наполняя хрустальное убежище звуками гипнотической песни.

Костер уже едва горел, когда Калар внезапно проснулся.

Эльф стоял перед ним, держа двуручной хваткой полуторный меч Калара, острие клинка было

направлено в горло рыцаря. Золотистые глаза эльфа не моргали.

Меч Гарамона все еще лежал в ножнах на коленях Калара, и рыцарь едва сдержался, чтобы не попытаться выхватить его. По сбалансированной стойке эльфа Калар видел, что тот обученный воин, и успеет пронзить ему горло раньше, чем Меч Гарамона будет вынут из ножен хотя бы наполовину.

Стараясь не делать резких движений, Калар убрал Меч Гарамона с коленей и положил рядом на подстилку. Прислонившись к стене пещеры, он заложил руки за голову.

- Ну? - спросил он, глядя на эльфа. - Что теперь?

Глаза эльфа прищурились.

- Алет кег-мон алет'ос тар'ка лок-нот, - произнес эльф. Хотя его речь звучала музыкально, каждое незнакомое слово произносилось четко и было пронизано враждебностью.

- Если ты собирался убить меня, то уже мог бы сделать это.

Калар видел, что эльф очень слаб, хотя тот изо всех сил пытался это скрыть. Его тело было покрыто потом, из-под повязок сочилась кровь.

Бретонский полуторный меч был тяжелым, и Калар видел, что эльф с большим трудом удерживает его поднятым. Меч казался слишком большим и грубым в его руках, явно привыкших к более утонченному оружию.

- В твоей крови яд, - сказал Калар. - Тебе нужно лечение. Кто нанес тебе такие раны?

- Даэ'эт Шаэль-Мара нот, - прошипел эльф.

- Ты не понимаешь меня, да? - вздохнул Калар.

- Каэлан нот кег-мон.

Некоторое время они смотрели друг на друга, не двигаясь. Калар вздрогнул от холода. От костра остались только угли, и пещера остыла. Осторожно двигаясь, Калар потянулся за дровами.

Эльф зашипел сквозь зубы и напрягся, острие меча дернулось, словно жало скорпиона, готового нанести удар.

Не делая резких движений, Калар взял несколько дровишек и бросил их в угли. Сразу же поднялись языки пламени, с треском облизывая сухое дерево.

Наклонившись к костру, Калар поворошил палкой угли, и в воздух поднялся вихрь искр. В свете огня рыцарь увидел, что эльф пошатнулся, видимо, с трудом оставаясь в сознании. Острие меча качнулось и опустилось.

Воспользовавшись этой возможностью, Калар метнул в эльфа горсть раскаленных углей, и в то же мгновение вскочил на ноги и перепрыгнул через яму с костром, намереваясь сбить эльфа с ног раньше, чем тот успеет ударить мечом.

Но даже в ослабленном состоянии эльф оказался гораздо быстрее, чем ожидал Калар. Не успел рыцарь перескочить через костер, как эльф увернулся от летевших в него углей и смертоносной дугой направил удар тяжелого полуторного меча в шею Калара. Удар не был случайным и небрежным; он явно был

рассчитан на то, чтобы убить.

Калар бросился в сторону, и клинок просвистел лишь в паре дюймов от него. Все еще поворачиваясь, эльф подскочил в воздух, словно танцор, используя энергию прыжка, чтобы направить меч для второго удара. Эльф двигался с удивительным изяществом и равновесием, и Калар чувствовал себя неуклюжим и тяжелым, отступая назад, чтобы не позволить противнику подойти слишком близко.

Калар выругал себя за недооценку ситуации: он был уверен, что сумеет обезоружить эльфа, и никому не будет причинено большого вреда.

Эльф приземлился в низкую стойку. Его дыхание было тяжелым, на повязках вокруг груди расплзлось красное пятно. Рана в его боку снова открылась.

Силы эльфа явно были на исходе. Его золотистые глаза затуманились, и ноги дрожали. Намереваясь скорее закончить эту схватку, Калар бросился вперед.

У эльфа еще хватило сил нанести удар. Но скорость его была уже не та, что в начале схватки, и Калар смог заблокировать клинок левой наручью. Хотя меч вонзился глубоко, разрубив пластинчатую броню и кольчужные звенья под ней, но едва царапнул руку Калара. Рыцарь схватился с эльфом, пытаясь вырвать у него меч.

Эльф не уступал ростом Калару, хотя был куда более худощавым. Но вопреки хрупкой внешности в нем еще оставалось достаточно силы, и на несколько секунд противники сцепились, и никто не мог одержать верх.

Наконец Калар ударил лбом в лицо противника. Ноги эльфа подогнулись, и тяжелый полуторный меч с лязгом выпал из его рук. Калар ударом ноги отбросил его в сторону и повалил эльфа на землю лицом вниз, прижав его коленом. Эльф упорно пытался сопротивляться, но потом обмяк.

Калар поднял его с земли и положил на одну из подстилок. Эльф едва дышал, его сердце билось неровно. Калар снял пропитанные кровью повязки. Глубокая рана снова открылась, и Калар снова начал пытаться остановить кровотечение. Но он мало что мог сделать, чтобы помешать распространяться яду, и был потрясен, увидев, что зеленые щупальца под кожей, похожие на вены, уже подбираются к сердцу эльфа.

Калар выругался. Без лекаря эльф умрет, но если сейчас отправиться искать для него помощь, это наверняка означает снова заблудиться в лесу. Калар просто не найдет дороги обратно к пещере.

Взгляд Калара упал на изогнутый охотничий рог эльфа. Если его соплеменники есть поблизости, вероятно, они смогут помочь. Взяв рог, Калар направился к туннелю, ведущему из пещеры в лес.

Слабый голос заставил его остановиться.

- Нет, - произнес эльф. - Ты навлечешь Шаэль-Мара на нас.

- Ты говоришь на бретонском? - спросил Калар.

- Немного.

- Где ты научился?

- Один из... вашего народа... жил какое-то время в Залах Анаэрта. Это... мой дом.

- Это было давно? - удивленно спросил Калар. Эльф говорил на архаичной форме бретонского языка, которую в Бретонии не использовали уже сотни лет.

- Много... лет назад.

- Мое имя Калар из Гарамона. Мой Поиск Грааля Владычицы привел меня сюда, в ваше лесное царство. Это Она привела меня к тебе.

- Тогда... ты глупец... - сказал эльф. - Лес... заберет тебя. Ты не увидишь больше свои земли.

- Ты провидец?

Раненый эльфийский воин посмотрел на Калара, его золотистые глаза блеснули.

- Не нужно быть провидцем... чтобы знать, какая участь ждет тебя.

- Как тебя зовут, эльф?

- Я Китаэрос Митра'кинн'даэк из рода Шенти'э Арахейн.

- Владычица привела меня к тебе, Китаэрос Митра'кинн'даэк, - сказал Калар, с некоторым усилием произнося имя эльфа. - По воле Ее ты будешь спасен.

Эльфийский воин хотел что-то сказать, но его прервал приступ кашля. На губах эльфа выступила кровь.

- Ты сказал, что я навлеку что-то на нас, если буду трубить в рог, - сказал Калар, отдавая изогнутый рог эльфу. - Что там? Какие существа охотятся за тобой?

- Шаэль-Мара, - ответил Китаэрос, прижимая рог к груди, словно талисман. - Прислужницы Зимы. Они... ищут нас.

- Прислужницы Зимы?

- Предатели. Слуги Духа Ветвей... Дричи...

Калар, удивленно нахмурившись, хотел задать другой вопрос, но эльф снова потерял сознание. Усевшись на подстилку из листьев, Калар задумался, что делать дальше.

С резким вздохом эльф вдруг снова очнулся и сел, схватив Калара за руку, его глаза лихорадочно сверкали.

- Договор... должен быть соблюден... Король-в-лесу... должен возродиться...

- Ложись, - сказал Калар. - Твои раны опасны.

- Нет, - хриплым шепотом произнес Китаэрос, но силы покинули его, и он свалился на подстилку из листьев. Его глаза начали закрываться.

Калар видел, что эльф быстро угасает. Склонившись, он взял Китаэроса за плечи.

- В твоей крови яд, от которого я не могу тебя вылечить, - сказал Калар. - Тебе срочно нужно лечение. Где твои соплеменники?

- Лес... - выдохнул Китаэрос. - Отведи меня... в лес.

V

Снег хрустел под ногами Калара, все глубже заходившего в чащи Атэль Лорэна. Рыцарь смотрел на окружающий его лес со смесью удивления и настороженности, держа одну руку на рукояти Меча Гарамона. Китаэрос обмяк без сознания в седле на спине Галибора. Калар привязал эльфа к седлу, чтобы тот не упал, но все равно периодически оглядывался назад, чтобы убедиться, что эльф на месте.

Состояние Китаэроса неуклонно ухудшалось. До рассвета оставалось еще несколько часов, и Калар уже сомневался, что эльф теперь вообще придет в сознание. Ему срочно нужна была помощь.

Лишь несколько часов назад лес казался непроницаемым, темным и полным необъяснимой угрозы. Теперь же он был полон лунного света и воздуха. Раньше лес, казалось, был враждебен к Калару и мешал рыцарю на каждом шагу, а теперь напротив, словно расступался перед ним, будто заставляя Калара поспешить. Хотя Калар не знал, куда он идет, но счел это хорошим знаком.

По пути взгляд Калара постоянно притягивало вверх. Повсюду вокруг росли огромные деревья, достигавшие невероятной высоты, их стволы, покрытые серебристой корой, блестели. От их размера захватывало дух, и Калар сомневался, что где-то еще в мире могут расти подобные деревья, настолько высокие и прямые. Каждое дерево было не меньше пятисот футов в высоту. Они были словно гигантские колонны, удерживавшие крышу мира.

Лунный свет, наполнявший лес, казался волшебным. В его лучах чистейший белый снег сверкал словно хрусталь.

За несколько часов, прошедших после того, как они вышли из пещеры, Калар не видел и не слышал никаких признаков погони. Но он все равно оставался настороже, зная, что опасность может таиться повсюду вокруг, даже если он ее не видит.

Несмотря на неестественно затянувшуюся зиму, Калар видел, что лес полон жизни. Он подумал, что вероятно, та же жизнь была в лесу и раньше, но увидел ее лишь сейчас – или ему было позволено ее увидеть.

Между деревьями мелькали совы, а по снегу иногда пробегали кролики или горностаи, словно не замечая опасности, угрожавшей им сверху. Калар услышал где-то в отдалении лай лисицы и заметил пару ястребов, сидевших в ветвях наверху. Вдалеке он увидел небольшое стадо оленей, хотя ни один из них не мог сравниться по величине с тем огромным белым оленем, который заманил Калара в лес. Еще дальше он заметил силуэт большого медведя, рано пробудившегося из зимней спячки.

Один раз Калар увидел гигантскую белую кошку, крадущуюся среди деревьев. Ее тело было стройным и сильным, а уши заострены, словно ножи. Кошка повернулась и посмотрела на него, фиолетовые глаза блеснули в лунном свете. А потом она с неторопливой грацией исчезла в лесу, словно призрак.

Все эти животные были похожи на тех, что Калар видел раньше, но в обитателях этого леса было нечто странное, будто сверхъестественное, отличавшее их от других зверей.

Другие существа были ему не столь знакомы.

Как-то к нему подлетела стая маленьких светящихся лесных духов. Издалека они были похожи на светлячков, но когда они подлетели ближе, Калар увидел, что они – нечто совсем другое.

Каждый из них был крошечным существом из света, летавшим на прозрачных светящихся крыльях. Они

проявляли любопытство, то подлетая близко к Калару, то снова удаляясь, когда он оборачивался к ним. Они раздражали Калара, пытались запутывать его волосы и дергая за уши Галибора, наполняя воздух своим тонким пронзительным смехом. Калар отмахивался от вившихся вокруг него светящихся созданий.

Большинство из них вскоре заскучали и улетели, с Каларом остался только один из крошечных лесных духов, и рыцарь никак не мог отогнать его. Сначала существо неистово металось перед Каларом, высывая язык, когда рыцарь отмахивался. Потом, успокоившись, лесной дух уселся на плечо Калара, что-то болтая своим тонким неразборчивым голосом.

Но крошечный лесной дух наконец замолк, и на лес опустилась благоговейная тишина. Пошел снег. Каждая тяжелая снежинка падала медленно, опускаясь с ленивой грацией. Тишину нарушали только скрип снега под ногами и позвякивание уздечки.

Нападение было внезапным.

Калар оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что Китаэрос сидит в седле, и в это мгновение на его голову упала веревочная петля. Прежде чем Калар успел отреагировать, петля захлестнула его шею и потянула вверх, и он повис в воздухе, беспомощно дергая ногами.

Задыхаясь, Калар вцепился в петлю, тщетно пытаясь просунуть пальцы под веревку и ослабить давление на горло. Петля сдавливала его трахею, и в глазах все поплыло. Крошечный лесной дух, сидевший на его плече, теперь отчаянно метался вокруг него, по лицу существа текли светящиеся слезы.

Беспомощно повиснув в десяти футах над землей, Калар увидел в ветвях деревьев темные силуэты. Их лица были скрыты капюшонами, и каждый из них держал лук со стрелой, наложенной на тетиву.

Перед глазами Калара заплескали белые точки, и он потянулся к ножу. Крошечные ручки лесного духа помогли ему, и вскоре его пальцы сомкнулись на рукояти ножа. Выхватив нож, Калар перерезал веревку.

Тяжело ударившись о землю, Калар, задыхаясь, сорвал с шеи петлю. Шатаясь, он поднялся на ноги и выхватил Меч Гарамона. Десяток силуэтов с луками поднялся из-под снега вокруг него. Светящийся лесной дух завис над его плечом, шипя и злобно глядя на этих пришельцев. Бросив взгляд вверх, Калар увидел, что примерно столько же сидят в ветвях наверху, нацелив на него стрелы.

- Лесные эльфы, - сказал Калар.

Они были стройными и высокими, облаченными в тяжелые плащи цвета зимы. У большинства из них лица были закрыты, только миндалевидные глаза блестели под капюшонами. Их взгляды не выдавали ничего.

Один из них спрыгнул с ветвей наверху, легко приземлившись.

Лесной эльф откинул капюшон, открыв лицо с сильными мужскими чертами и пепельной кожей. На нем была черная изогнутая полумаска, кожу украшали изящные темно-зеленые татуировки.

Его блестящие черные волосы были заплетены в множество кос. Он двигался с грацией танцора, когда он подошел к Калару, его следы на снегу были едва заметны. Эльф остановился в десяти шагах, и, хотя опустил лук, но стрелу с тетивы не убрал. Глаза его были словно осколки льда. Калар не сомневался, что в случае малейшей провокации эльф убьет его.

Медленно и осторожно Калар спрятал в ножны Меч Гарамона.

- Я нашел одного из ваших - Китаэроса, - сказал он, указывая на эльфа, обмякшего в седле без сознания.
- Он ранен. Я сделал для него что мог, но ему нужен лекарь.

Эльф отдал приказ на своем языке, но сам не сводил взгляда с Калара. Один из его воинов в капюшонах вышел вперед и, ослабив тетиву лука, подошел к Галибору. Это оказалась женщина, хотя она была одета точно так же, как ее спутники. Она тихо что-то прошептала, и мягко положила руку на морду коня. Гордый бретонский скакун спокойно принял ее прикосновение.

Эльфийская воительница бросила взгляд в сторону Калара, и он успел заметить в ее глазах презрение, прежде чем она снова повернулась к Китаэросу.

Командир эльфов заговорил, что-то спрашивая. Калар увидел, что глаза эльфийки расширились, когда она подняла подбородок раненого эльфа и посмотрела в его лицо.

Она резко оглянулась на Калара.

- Дот кайли'энаэт, - сказала она. - Китаэрос Митра'киинн'даэк, Курноус-даэ!

Несколько эльфов заговорили все сразу, но их начальник заставил их умолкнуть.

- Каэла'Анара, виш'ну, - произнес он.

Воздух замерцал, будто поднимался незримый занавес, и словно из ниоткуда, в лучах лунного света появился огромный белый олень, который завел Калара в лес.

- Значит, не видение, - прошептал Калар.

Гордое создание подошло к нему с неспешным величием. Его широкие ветвистые рога сверкали. На спине оленя сидела женщина, облаченная в платье из слоев тончайшего шелка, и каждый слой был настолько тонким, что, казалось, они парили в воздухе.

Лицо всадницы закрывала вуаль, удерживаемая обручем из плюща вокруг головы. Неуловимая аура магии окружала эту даму.

Двое эльфов сняли Китаэроса с седла Галибора. Калар хотел помочь им, но командир эльфов зашипел сквозь зубы, подняв лук, и Калар застыл.

Дама под вуалью соскользнула со спины оленя. Хотя Калар не видел ее глаз, он чувствовал, что она смотрит на него, и от ее взгляда по его коже пошли мурашки. Калар подумал, что она была колдуньей; он уже испытывал такое странное, пугающее ощущение и раньше.

Китаэроса поднесли к белому оленю, и величественный зверь сам опустился на снег, чтобы принять его. У оленя не было ни поводьев, ни седла, и он опустился на колени по своей воле. Эльфа посадили на широкую спину оленя, прислонив к шее с густой гривой, а дама под вуалью села позади его, обхватив Китаэроса за талию.

Калар повернулся к начальнику эльфов, и увидел, что эльфы, стоявшие близко к нему, вернулись к своим товарищам. Теперь они молча окружали его. В своих плащах с капюшонами эльфы выглядели одинаково мрачными и угрожающими.

- Если я нарушил какие-то законы, попав в ваши владения, то прошу прощения, - сказал Калар.

Эльфы молчали, глядя на него немигающими глазами.

- Я вернул вам вашего товарища, - сказал Калар, указав на Китаэроса. - Моя задача здесь выполнена. Я прошу, чтобы мне позволили безопасно выехать из леса, и я мог присоединиться к моему королю в бою с силами тьмы, нападшими на мою родину.

Эльфы по-прежнему не отвечали.

- Так не должно быть, - произнес Калар, взявшись за рукоять меча.

Командир эльфов поднял свой мощный изогнутый лук и натянул тетиву, нацелив стрелу в грудь Калара. С такой дистанции она наверняка пробила бы его кирасу.

- Воля Владычицы не в том, чтобы я умер здесь, - сказал Калар.

Вождь эльфов прищурил глаза, но не опустил лук.

Столкнувшись с перспективой принять смерть от оружия труса, Калар не ощущал ничего кроме спокойствия. С его глаз словно упала пелена, с души исчезла тяжесть.

- Владычица милосердия, - прошептал он. - Покажи мне путь, и я последую по нему.

Черное перо, медленно кружась в воздухе, упало между эльфом и Каларом, словно оскверненная снежинка.

Тишину разорвало хрипкое карканье ворон. Крошечный лесной дух, сидевший на плече Калара, испустил пронзительный крик и исчез. В отдалении раздался жуткий нечеловеческий вопль, исполненный горечи и злобы.

Словно повинувшись этому ужасному воплю, в лесу поднялся ледяной ветер. Ветви заколыхались под мощью внезапно разразившейся бури, разорванный плащ Калара развеялся за спиной. Что-то приближалось, и Калар вынул из ножен клинок и прищурился, глядя в метель.

Прислужницы Зимы нашли их.

VI

Подхваченные ветром, из глубин леса вырвались стаи ворон. Калар услышал их карканье прежде чем увидел их самих. Они летели быстро, густой черной тучей. Ловко ныряя между ветвями, они со страшной скоростью мчались прямо на эльфов и Калара.

- Шаэль-Мара! - закричал вождь эльфов, его лук все еще был нацелен на Калара. Внезапно он выпустил стрелу.

Калар не дрогнул, хотя стрела устремилась прямо к нему. Она просвистела мимо его уха на расстоянии менее дюйма, и Калар услышал, как она воткнулась во что-то позади него. Раздался дикий вой, полный боли и злобы.

Оглянувшись через плечо, Калар увидел примерно в тридцати футах от него странную фигуру, пригвожденную стрелой к дереву. Она билась и дергалась, словно обезумевшая марионетка, пытаясь освободиться. Она жутко вопила, казалось, это был крик некоей чудовищной хищной птицы, чем существа, хоть сколько-нибудь близкого к эльфам или людям.

Видя, что эльфам стало не до него, Калар поднял Меч Гарамона и снял со спины свой побитый щит. Щит

был окрашен в красный и синий геральдические цвета, центр его украшала серебристая фигура вздыбленного дракона, но краска поблекла и местами стерлась, и под ней блестел голый металл. Он был сильно изношен, покрыт вмятинами и зазубринами – свидетельство того, что он побывал во множестве боев. Когда стая птиц, оглушительно крича, бросилась на Калара, он надел щит на левую руку и приготовился к их атаке.

Птицы были большими – больше размером с ворона, чем с ворону, но более стройными, чем все вороны, которых Калар видел до сих пор. Их тела казались удлинёнными ради большей скорости и маневренности, прекрасно приспособленными для жизни в густых кронах деревьев. Они кружились и ныряли между ветвями с завидной быстротой и ловкостью. Калар разглядел, что их черные перья сияли синеватым отблеском, а когти и клювы сверкали словно кинжалы. До дюжины птиц упали, сраженные стрелами, но остальные продолжали мчаться на эльфов, пронзительно крича.

Увидев, что птицы не собираются сворачивать, Калар присел под щитом, защищая глаза. Стая нахлынула на него словно поток, обтекавший его с двух сторон. На мгновение Калар был ослеплен мелькающей массой черных перьев. Он ощутил несколько ударов по доспехам, словно камни, выпущенные из пращи, и подумал, неужели это удары клювов и когтей настолько сильны. В шее вспыхнула резкая боль. Птицы пролетели мимо, снова сбились в плотную массу и развернулись для второго захода.

Калар выдернул странную колючку, вонзившуюся в его шею.

- Что это, во имя Владычицы? - прошептал он, рассматривая колючку и держа ее двумя пальцами.

Она была меньше дюйма длиной и тонкая, словно травинка, похожая на крошечный осколок грифеля, но ее наконечник был зазубренным, как у охотничьего копья. С наконечника стекла капля крови.

Стая ворон снова набросилась на него, наполняя воздух отвратительными криками и хлопанием крыльев. Было почти невозможно рассмотреть этих птиц, так быстро они летели, но Калар успел заметить крошечную фигуру, сидевшую на шее одной из ворон.

Он увидел ее только на мгновение, но заметил горевшие злобой глаза на маленьком заостренном лице размером с ноготь человека. Лицо было угловатым и черным, словно уголь. Существо носило красную шапку и злобно скалилось на Калара, демонстрируя ряд крошечных клыков. Прежде чем промелькнуть мимо, оно метнуло в глаза Калара маленький шипастый дротик. Только благодаря быстрым рефлексам Калар не лишился глаза: он успел отвернуться, и дротик попал ему в щеку.

Он ударил мечом, но птицы уворачивались от удара, рассеиваясь перед клинком словно дым.

Он выдернул дротик, попавший в щеку, и еще один, вонзившийся в подбородок. Еще несколько дротиков воткнулись в его плащ и между звеньями кольчуги.

Раны от них были совсем неглубокими, но в них уже ощущалась пульсирующая боль. В глазах Калара помутилось, и он пошатнулся.

Яд.

Птицы снова бросились на него. На этот раз стая не пролетала мимо, а кружилась над ним ослепительным вихрем черных перьев и острых клювов. Краем глаз Калар замечал десятки крошечных черных существ в красных шапочках, сидевших верхом на птицах, их лица скалились в жестокой радости, когда они бросали в него ядовитые дротики. Большая часть дротиков отскакивала от его

доспехов, но некоторые вонзились в кожу шеи и лица.

Словно из ниоткуда появился маленький светящийся лесной дух, который ранее сопровождал Калара, он бросился на одного из черных духов и сорвал его со спины птицы. Два духа леса сцепились в свирепой схватке.

Калар размахивал мечом и бил щитом, чувствуя, как тела птиц бьются о его щит, их крылья и тонкие кости ломаются, словно сухие ветки. Еще больше птиц удалось разрубить мечом; окровавленные перья закружились в воздухе.

Дама под вуалью, казалось, не обращала внимания на творившееся вокруг побоище, и была словно оазис спокойствия посреди бури. Эльфы построились вокруг нее, пытаясь защитить ее и раненого эльфийского воина, замершего без сознания на спине оленя.

Галибор встал на дыбы, пытаясь ударить копытами кружившихся ворон. Калар пробился к коню сквозь клубившуюся тучу птиц и схватил поводья. Конь выпучил глаза от страха, но несколько успокоился, почувствовав твердую руку хозяина.

С дерева свалился эльф, тяжело ударившись о землю. Калар увидел, что лицо эльфа утыкано крошечными шипастыми дротиками. Он уже бился в конвульсиях, яд растекался по его венам.

Эльфийские стрелы продолжали пронзать черных птиц, и стая раскололась. Калар отбивался от них мечом и щитом. Еще несколько дротиков отскочило от его доспехов, но потом птицы исчезли, скрывшись в лесу. Светящийся крошечный дух победоносно вернулся к Калару. Одно из крыльев существа было разорвано, но оно улыбалось и гордо выпячивало грудь.

Губы и пальцы Калара онемели, в горле было так сухо, что стало трудно глотать. Цвета леса казались слишком яркими, деревья будто колебались, как отражения в воде, потревоженной брошенным камнем. Моргая, Калар почувствовал, что зрение постепенно возвращается в норму – к счастью, доспехи защитили его от большей части ядовитых дротиков.

Из леса вокруг поляны раздались жуткие нечеловеческие вопли, которые звучали опасно близко. Эльфы оглядывались вокруг, натянув луки и по-прежнему не обращая внимания на Калара. Стая ворон явно лишь предшествовала тому, что приближалось сейчас.

Снег повалил еще сильнее, и в нем трудно было что-либо разглядеть. Сквозь метель Калар замечал краем глаза крадущиеся силуэты, но видел лишь их очертания, и то расплывчатые и нечеткие.

Галибор заржал, и Калар крепче сжал поводья.

Беззвучно падал снег, и эльфы на поляне ждали нападения врага. И когда враг наконец напал, его атака была ошеломляющей в своей скорости и свирепости.

Темные силуэты бросились вперед, и были встречены настоящим ураганом стрел, с шипением мелькавших между деревьями, словно разозленные осы. Десятки темных фигур выскочили из мрака леса. Они двигались со сверхъестественной скоростью, рыча и шипя, будто дикие кошки.

Калар уже собирался сесть в седло, когда вдруг почувствовал ледяное дыхание на своей шее. Он резко обернулся, занеся меч для удара.

Словно ожившая деревянная скульптура, прямо из ствола дерева позади него появилась нимфа. Пораженный красотой ее обнаженного тела, Калар изумленно открыл рот, не нанеся удара.

Кожа нимфы была серебристой, как кора дерева. Черты ее лица были прекрасны, с высоким скулами, полными губами и большими глазами, которые оставались закрытыми, словно во сне. На плечи ниспадали волны шелковистых волос, увитых плющом. Она выбралась из ствола дерева и шагнула на снег.

Калар с изумлением смотрел на захватывающее зрелище явления духа природы, но когда нимфа открыла глаза, магия ее очарования исчезла.

Глаза ее были черны и полны жестокости. Когда ее прекрасные губы открылись, изо рта нимфы поползли черви, жуки, многоножки и иные безымянные ползучие твари.

Калар отшатнулся в отвращении, и с внешностью нимфы произошла внезапная перемена. Красота исчезла, серебристая кожа сморщилась, и открылся истинный кошмарный лик существа. С ее впалых щек свисали обрывки коры, а волосы превратились в массу сухих ветвей и листьев. На древесной плоти существа были видны закручивающиеся узоры.

Стройные, словно у эльфов, руки и ноги стали искривленными и корявыми, как сучья, на руках выросли острые когти, похожие на ветви. Спина нимфы сторбилась, и из-под кожи-коры выступили деревянные ребра.

Существо стало напоминать некую чудовищную статую из сухих сучьев и терновника, словно худшие черты зимнего леса внезапно ожили и приобрели физическую форму.

Все это превращение заняло лишь долю секунды, и с пронзительным воплем ужасная дриада бросилась на Калара, вытянув когти.

Калар отпрянул назад и взмахнул мечом, направив удар в шею дриады. Отвратительное существо подняло одну руку, чтобы защититься от удара. Это было все равно, что бить мечом по бревну, и клинок Калара застрял в древесине.

На мгновение дриада снова приняла облик прекрасной девы, и облизнула губы, прежде чем вернуться в ужасающее воинственное обличье. Она ударила Калара по лицу, и хотя рыцарь успел уклониться, избежав худшего, когти-ветви рассекли его левую щеку.

В ране вспыхнула обжигающая боль, но Калар проигнорировал ее, и, упираясь ногой в грудь дриады, вырвал застрявший меч. Он ощутил, как сухие ребра хрустят под сапогом, и, вырвав клинок, увидел, что с него капает зловонный древесный сок. Дриада быстро восстановилась и снова прыгнула на него, пытаясь рассечь когтями лицо.

Стрела сбила дриаду прямо в прыжке. Существо закувыркалось в снегу, дико вопя и пытаясь выдернуть стрелу, вонзившуюся глубоко в ее голову. Подскочив, Калар рубанул ее по голове. Деревянный череп раскололся, как гнилое червивое бревно, щепки и черви разлетелись во все стороны.

Дриада рассыпалась, превратившись в зловонную грудку гнилой древесины и прелых листьев. Калар отшатнулся от смрада гнили, закрывая рукой нос и рот.

Десятки свирепых дриад набросились на эльфов, пытаясь насадить их на когти-ветви и разорвать на куски. Эльфы кричали, брызги крови окрасили снег.

Стрелы рассекали мрак, эльфы выпускали их с необычайной быстротой, и Калар увидел, что ими сражены уже десятки дриад. Но еще больше злобных нимф появлялось из-за деревьев, их

соблазнительная внешность исчезала на глазах, сменяясь страшной и отвратительной.

В кронах деревьев кипела столь же жестокая битва, как и на земле. Дриады прыгали с дерева на дерево, преследуя эльфов, которые ловко бегали по ветвям, на ходу выпуская стрелы.

Почувствовав движение позади, Калар обернулся. Дриада с шипением тянулась к нему, ее щупальца, похожие на лозы, оплели его правую руку с мечом.

Свободной рукой Калар схватил со спины полоторный меч и нанес удар, целясь в голову существа. Оно перехватило меч на полпути. Калар напряг мышцы, но дриада была сильнее, и стала отжимать его руку с мечом назад. Она потащила Калара к себе, и спутанные корни, заменявшие ей волосы, потянулись к нему, словно пиявки, жаждущие крови.

Калар отчаянно боролся, но ужасная Прислужница Зимы была слишком сильна, и заключила рыцаря в смертоносные объятия. Ее рот открылся, обнажив ряды острых зубов и кишасшую массу жуков и личинок. Зловоние гнилого дерева и червей ударило в нос Калару.

Вдруг дриада дернулась, и из ее груди вышел наконечник стрелы, замерший лишь в нескольких дюймах от груди Калара. Дриада, даже при смерти, не выпускала рыцаря, продолжая тянуть его к себе.

Еще одна стрела вонзилась в затылок дриады, и существо рухнуло, превратившись в безжизненную гряду древесины. Калар с отвращением отшвырнул ее.

Позади нее стоял вождь эльфов с луком в руках, и Калар кивнул ему, благодаря за помощь. Эльфийский воин вернулся в битву, выкрикивая приказы своим бойцам.

Десятки дриад уже были убиты, но все новые и новые появлялись из мрака леса. Оглядывая поле боя, Калар понимал, что это не тот бой, который может быть выигран.

Эльфы отступали, на ходу выпуская стрелы. Те, что прятались в кронах деревьев, прыгали с ветки на ветку, двигаясь почти также быстро, как по земле, не переставая выпускать стрелу за стрелой в злобных дриад.

Калар подбежал к Галибору и вскочил в седло. Он увидел, что белый олень скачет прочь по глубокому снегу, окруженный эльфами в белых плащах.

Бросив Галибора с места в галоп, Калар поскакал за ними. Деревья мелькали мимо, и, оглянувшись, рыцарь увидел, что дриады мчатся за ним, не уступая в скорости, прыгая, словно ужасные деревянные марионетки.

Боевой конь скакал по снегу, радуясь возможности выпустить энергию. Калар напрягся и пригнулся в седле, когда Галибор перескочил упавший ствол дерева. Ощущение скорости было опьяняющим. Калар был изумлен тем, как быстро бежали эльфы. Он верхом едва мог угнаться за ними, а они бежали пешком, мелькая среди деревьев, словно тени.

Он увидел, что вождь эльфов бросил взгляд в его сторону. Мрачный эльфийский воин произнес что-то, что могло быть проклятием.

Калар не мог сдержать дикой усмешки, и, крича, погнал Галибора дальше.

VII

Скачка по лесу была похожа на сон. Калар уже несколько часов, погоняя Галибора, скакал между огромными деревьями с серебристой корой, пригибаясь под низко нависавшими ветвями и склоняясь в седле, когда могучий боевой конь перепрыгивал через упавшие стволы деревьев, его красно-синий чепрак развевался на ветру.

Эльфы в белых плащах невероятным образом бежали так же быстро, как и конь. Казалось, они терпят присутствие Калара, или просто не замечают его.

Белый олень неустанно скакал вперед, прокладывая извилистый путь сквозь лес. Огромные ели сменились рощами безлистных берез и тисов, которые в свою очередь уступили место зимним дубам и ясеням.

Они проезжали мимо осыпающихся руин, заросших папоротниками и терновником. Калар с удивлением увидел башню из светлого камня, возвышавшуюся, словно огромная игла, скрываясь в кронах деревьев. Они проехали сквозь огромную арку, образованную двумя гигантскими деревьями, стволы которых переплелись, словно любовники в объятиях. Один раз Калар заметил в отдалении широкую и быстро текущую реку, почти скрытую зарослями плакучих ив, но путь оленя вел дальше от реки, поворачивая куда-то вероятно на север, или на юг; чувство направления Калара было окончательно запутано.

Иногда, когда кроны деревьев были не столь густыми, Калар видел в небе над головой звезды, но определить по ним направление не мог, и лишь еще больше запутывался. Временами казалось, что серебристая луна Маннслиб была в небесах выше, чем раньше, словно они возвращались назад во времени, а иногда Калар даже не мог узнать, что за созвездия светятся в небе. Он гордился своим знанием небесных тел и путешествовал по Старому Свету, ориентируясь по ним, и поэтому невозможность узнать их казалась, вероятно, более пугающей, чем другие чудеса, которые он видел той ночью.

Они мчались по скользким от воды оврагам и узким каньонам, не замедляясь, словно дриады все еще преследовали их, хотя Калар не видел тварей уже много часов. Только иногда вдалеке были слышны вопли Прислужниц Зимы.

Они проехали мимо огромной серо-зеленой статуи – достигавшей сотни футов в высоту – изображавшей эльфа с обнаженной грудью, раздвоенными копытами на ногах и оленьими рогами, выроставшими из лба. Статуя была изваяна из скалы, возвышавшейся рядом с замерзшим источником, и покрыта плющом и лишайником. Калар видел, что каждый из эльфийских воинов, проходя мимо статуи, отводил глаза и делал охранительные – или, возможно, выражавшие уважение – жесты.

Иногда к ним присоединялись тысячи маленьких светящихся лесных духов, вылетающих из стволов деревьев и зарослей папоротников. Крошечная пикси, не отстававшая от Калара, продолжала висеть над его плечом, порхая на разорванных крыльях. Сейчас она была облачена в светящиеся пластинчатые доспехи, в подражание броне Калара, на ее маленьком заостренном личике застыло серьезное выражение. В одной руке она сжимала миниатюрное копьё со свисающим с него флажком, похожим на ленту, в другой держала щит с изображением человека, изрыгающего изо рта поток листьев и плюща.

Наконец белый олень замедлил свой неустанный бег и остановился в заповедной роще на берегу замерзшей реки. Эльфы рассредоточились, многие из них забрались на деревья. Другие заняли позиции поблизости, легко запрыгнув на покрытые снегом валуны. Присев на камни, они замерли, держа луки наготове и оглядывая местность в поисках угроз. Сохраняя неподвижность, они были практически

невидимы. Даже тех эльфов, что остались на открытой местности, было почти невозможно разглядеть в их белых плащах с натянутыми капюшонами.

Белый олень опустился на колени в снег, позволив даме под вуалью сойти с его спины. Командир эльфийского отряда снял со спины оленя Китаэроса и осторожно положил его на свой разостланный на земле плащ. На голове раненого эльфа все еще был кожаный шлем с оленьими рогами.

Калар остановил Галибора и, спрыгнув с седла, подошел к вождю эльфов, который опустился на колени рядом с Китаэросом, осматривая его раны.

- Как он? - спросил Калар.

Эльфийский вождь не обратил на него внимания, но Калар видел, что темно-зеленые щупальца под кожей Китаэроса распространились еще больше. Глаза запали и вокруг них появились темные круги. Даже без сознания эльф все еще прижимал к груди свой большой охотничий рог.

На мгновение Калар усомнился, дышит ли еще эльф, и подумал, что эта безумная скачка убила его. Потом он заметил, что в холодном воздухе от носа эльфа поднимается едва заметный пар. По крайней мере, Китаэрос был еще жив.

- Я буду молиться за него, - сказал Калар.

Эльфийский вождь произнес что-то, что можно было принять за согласие, и Калар встал у ног раненого воина.

Достав Меч Гарамона, рыцарь воткнул его острием в землю и опустился перед ним на колени. Не обращая внимания на пикси, повторяющую все его движения, Калар закрыл глаза.

Погрузившись в молитву, он не услышал, как подошла дама под вуалью.

- Он - Утренняя Звезда, - сказала она на хорошем бретонском языке.

Ее голос звучал странно, словно три голоса, говорившие все вместе, но Калар узнал его - это был голос, который говорил в его разуме перед тем, как он увидел Зеленого Рыцаря.

Поцеловав геральдическую лилию на рукояти меча, Калар поднялся на ноги.

Дама под вуалью стояла рядом, глядя на лежавшего без сознания Китаэроса. Эльфийского вождя не было видно. Белый олень и Галибор стояли рядом и пили талую воду из озера.

- Владычица не привела бы меня к нему, если бы он не был важен, - сказал Калар, спрятав меч в ножны.

- Мы все важны, - сказала дама своим тройственным голосом. - И в то же время столь же незначительны, как листья на ветру.

- Я не понимаю, - сказал Калар. Но дама в ответ лишь пожала плечами.

- Эти существа, - спросил Калар, видя, что она не собирается ничего объяснять. - Кто они?

- Шаэль-Мара, - ответила дама под вуалью. - Прислужницы Зимы. Дриады. Они чудовища, настолько же искаженные и злобные, как их госпожа.

- Они... демоны? - спросил Калар, только сейчас заметив, что небо стало светлеть. Рассвет был близок.

- В некотором роде, - сказала дама. - Они существа леса. Они и есть лес.

- Но разве лес и эльфы не связаны? Почему лес пытается убить своих эльфийских защитников?

Дама под вуалью засмеялась, и ее смех звучал странно, потусторонне.

- А ты не думал, что возможно, эльфы не защищают лес от чужаков, но напротив, защищают чужаков от леса?

- А это действительно так?

- Да. И нет.

Калар раздраженно покачал головой.

- Он умирает, не так ли? - спросил он, посмотрев на Китаэроса, которого дама назвала Утренней Звездой.

- Да.

- И не в ваших силах помочь ему, госпожа?

- Возможно. Но я не могу.

- Почему? Вы сказали, что он важен.

- Он очень важен, но мне не позволено.

- А мне? - спросил Калар.

- Ты делаешь то, что считаешь правильным.

- Что это значит?

- Ты свободен выбирать путь, по которому идти.

- Мое место в Бретонии, - сказал Калар.

- Великая тьма поднялась. Она угрожает поглотить твою родину и погрузить ее в вечный мрак, - сказала дама. - Я вижу черный Грааль, полный крови.

- Меровех, - произнес Калар.

- Да, - сказала дама. - Его легионы выступили в поход.

- Вы обладаете даром провидения, госпожа? Вы можете увидеть, насколько близко подошел Меровех к Курони?

- Он близко, - прошептала дама. - Он пересечет Саннэ через несколько дней.

- Как такое может быть? - потрясенно спросил Калар. - Ему понадобились бы месяцы, чтобы пройти через Леонуа и Л'Ангвиль!

- Время течет по-иному в пределах Атэль Лорэна, - сказала дама. - Оно подобно реке, которую вы называете Верхней Грисмери, а азраи - Морозной. Где-то она бывает глубока и течет быстро, а в других местах разливается и замедляет течение. С тех пор, как ты пересек границу леса, Калар из Гарамона, за

его пределами прошли месяцы.

- Месяцы?! - воскликнул Калар. - Мое место в войске короля! Я должен уехать отсюда!

Один из эльфов, стоявших часовыми, вдруг предупреждающе закричал.

- Они пришли, - сказала дама под вуалью.

Со всех сторон лес словно закипел движением. Они были окружены.

Вождь эльфов выкрикивал приказы, а его бойцы построились в оборонительный полукруг на берегу замерзшей реки. Жестом вождь пригласил даму под вуалью зайти внутрь полукруга, и она снова села на гордого белого оленя. Калар тоже прошел мимо строя эльфов, готовившихся к последнему бою. Опустившись на одно колено в снег, они втыкали стрелы наконечниками в землю перед собой, чтобы их легче было брать, и готовили луки.

Небо становилось ярче. До рассвета оставалось меньше часа.

Лесные духи всех видов появились из-за деревьев со всех сторон. Земля задрожала от поступи громадных, но еще невидимых древесных созданий, подходивших все ближе.

Сев в седло, Калар развернул коня и подъехал к строю эльфов, готовясь принять участие в предстоящем бою.

- Нет, - сказал черноволосый эльфийский вождь с суровым лицом.

- Я буду сражаться вместе с вами, эльф, - сказал Калар.

- Нет, - повторил эльф, встряхнув головой. - Ты нужен в другом месте.

- О чем ты говоришь?

- Король-в-лесу должен возродиться с первыми лучами рассвета, иначе договор будет нарушен, - сказала дама под вуалью. - Мы должны ехать.

- Как?

- По льду.

Калар повернулся в седле, глядя на замерзшую реку.

- Тогда пойдем все, - сказал он. - Я не буду бежать как трус, пока другие сражаются за меня.

- Нет, - ответил вождь эльфов. - Лед не выдержит нас всех. Иди!

Белый олень уже вышел на ледяную поверхность реки. Лед заскрипел под его копытами, начали появляться трещины.

- Это безумие, - произнес Калар.

Порождения темного леса бросились в атаку, и эльфы выпустили первые стрелы. Прежде чем первая стрела попадала в цель, каждый воин с невероятной точностью успел выпустить еще три стрелы.

- Направляйся к восходящему солнцу, - сказал вождь эльфов. - Дуб Веков близко. Теперь иди!

Калар бросил взгляд вдоль строя эльфов. Каждый из них знал, что умрет здесь, но они оставались твердыми и спокойными, не проявляя никакого страха. Их вождь, холодный и непреклонный, отбросил свои заплетенные черные волосы за плечи и обратил взор на Калара.

- Ступай, кег-мон, - произнес эльф. - Да направит тебя Курноус.

- Сражайтесь славно, - сказал Калар, и развернул Галибора к замерзшей реке. Белый олень стоял на льду в двадцати футах и ждал его.

- Иди же! - прошипел вождь эльфов. - Скорее!

Калар кивнул и направил Галибора на лед, затрещавший под тяжестью боевого коня в доспехах. Калар выругался. Скакун упорно не хотел идти на лед, пытаясь выбраться обратно на твердую землю. Но Калар твердой рукой направил коня вперед, молясь, чтобы лед выдержал.

Лед трещал, и Калар видел, как по его поверхности расходятся глубокие трещины. Снова выругавшись, рыцарь прищпорил коня, объезжая трещины. Белый олень поскакал к центру замерзшей реки, и Калар погнался Галибора за ним.

Он увидел, как большой охотничий рог выскользнул из бесчувственных пальцев Китаэроса и упал на лед, но дама под вуалью этого не заметила. Калар попытался подъехать к нему, но потом, выругавшись и натянув поводья, остановил Галибора.

В отдалении слышались звуки боя, но берег был скрыт туманом. Глубокие трещины во льду тянулись к Калару, словно преследуя его.

Калар спрыгнул с седла на лед, опасно затрещавший под ним. Под ногами, словно паутина, стали появляться трещины. Осторожно подойдя, рыцарь подхватил охотничий рог и снова вскочил в седло. Трещины во льду становились все больше и больше.

Калар прищпорил коня и с криком погнался вперед. Лед позади уже начал ломаться. Рыцарь скакал, догоняя белого оленя, и ледяной ветер обжигал лицо.

Эхо боя разносилось по замерзшей реке. Калар оглянулся назад, но над берегом висел туман.

Небо впереди постепенно светлело, наступал рассвет. Их скакуны мчались к восходящему солнцу.

Не зная почему, словно повинуюсь некоему внезапному инстинкту, Калар набрал в грудь воздуха и поднял к губам охотничий рог.

Рог испустил оглушительный рев, удивительно гулкий и полнозвучный. Эхо разнеслось по ледяной реке, словно ударная волна, отражаясь от скал и далеких деревьев. В ушах Калара еще звенело, когда он услышал вдалеке ответный трубный рев рога.

Китаэрос вздрогнул, на мгновение подняв голову и моргнул золотистыми глазами. Произнеся несколько слов на эльфийском языке, он снова потерял сознание.

- Дикае Всадники идут, - сказала дама под вуалью.

- Дикае Всадники? - спросил Калар.

- Неукротимые. Повелители Огня. Псы Курноуса.

- Они друзья или враги? - спросил Калар, и хотя ветер уносил его слова, он знал, что дама слышит его.
- Ни то, ни другое. Или и то и другое. Они опасны, но они будут охранять нас на нашем пути.
- Пути куда?
- К Дубу Веков.

VIII

Калар пригнулся к шее коня, погоняя его к восходящему солнцу. Галибор устал, но упорно скакал вперед по дикому лесу за величественным белым оленем.

Чем ближе они подъезжали к Дубу Веков, тем становилось холоднее. Брови и нечесаная борода Калара покрылись инеем. Дрожа от холода, он плотнее натянул плащ на плечи. Он сбивал лед со стремян и стряхивал снег с плаща.

Он чувствовал, что это очень древняя часть леса. Вероятно, лес был здесь задолго до появления бретонских племен, и может быть, даже раньше появления эльфов.

Вокруг возвышались дубы, достаточно большие, чтобы удерживать на своих ветвях маленькую деревню, их изогнутые сучья были толстыми и тяжелыми.

Несмотря на неотвратимо наступавший день, над землей висел ледяной туман.

Калар не понял, когда появились Дикие Всадники. В одно мгновение вокруг никого не было, а в следующую секунду их окружило множество свирепых сверхъестественных воинов. Казалось, они материализовались из самого тумана, словно духи или мстительные призраки. Сначала Калар не знал, были они существами из плоти и крови или лишь призраками давно мертвых воинов. Несомненно, они были больше лесными духами, чем эльфами.

Высокие и гордые, они ехали на скакунах, столь же яростных и неукротимых, как они сами. Обнаженные до пояса за исключением развевавшихся меховых плащей, они, казалось, не замечали холода. Их тела и руки были покрыты затейливыми татуировками и боевой раскраской, от которой рябило в глазах. Красочные рисунки, казалось, постоянно двигались по их коже, образуя еще более сложные и запутанные узоры.

Их кожа была зеленоватого оттенка, а глаза сверкали магическим светом и свирепой жестокостью. Из их висков выступали изогнутые рога, подобные рогам молодых оленей, проявляя их животную природу, и они скалились на Калара, словно волки. Их волосы, похожие на гривы, длинные и заплетенные в множество косичек, были украшены ветками, плющом и костями.

Они были вооружены мечами и копьями, покрытыми рунами и кровью, и сидели на своих скакунах без седел и поводьев. С их поясов свисали черепа и отрубленные головы, шеи украшали ожерелья из костей и зубов на нитках из жил.

Они излучали призрачный внутренний свет, словно в их плоти было заключено лунное сияние, и источали неукротимую ярость, грозящую выплеснуться в любой момент.

Станным образом излучаемая этими сверхъестественными воинами сила напоминала ауру могущества, которую Калар чувствовал в присутствии рыцаря Грааля Реола, хотя сила Диких Всадников была не

столь возвышенной, но более жестокой, непредсказуемой, и, несомненно, более опасной.

Словно услышав его мысли, один из Диких Всадников обернулся и свирепо оскалился на Калара, в его глазах хищника полыхал белый огонь. Калар видел, как мышцы воина напряглись, словно он едва сдерживался от того, чтобы нанести удар. Татуировки на груди и руках Дикого Всадника извивались, словно удушающие змеи.

Завороженный взглядом Дикого Всадника, Калар почувствовал, что его сердце стало биться быстрее, и дыхание участилось. Его разум наполнили образы крови и разрушения, он ощутил внезапное желание завывать на луну и позволить своим животным инстинктам взять верх.

Он хотел бежать вместе с волками, участвовать в охоте и слышать жалобные вопли умирающей жертвы. Он хотел ощутить ту радость, которая приходит, когда ловишь добычу и разрываешь ее в восхитительной ярости. Он хотел грызть и рвать живую плоть. Он хотел ощутить вкус горячей крови во рту.

Калар моргнул и отвернулся, перестав смотреть в глаза ухмыляющемуся Дикому Всаднику. Тяжело дыша, он прошептал молитву Владычице и вцепился в подвеску в виде геральдической лилии на шее. Сверхъестественное варварское создание лишь засмеялось в ответ на эту попытку сопротивляться зову его дикой природы.

К их скачке присоединились и другие спутники. Раскрашенные воины с волосами, закрученными в причудливые жгуты, бежали рядом с ними, подпрыгивая и кувыркаясь в воздухе, словно акробаты, под яростный грохот барабанов. Огромные боевые ястребы размером с упряжную лошадь вились в ветвях над ними. Невероятно, но на спинах этих гигантских хищных птиц сидели эльфы, и Калар изумлялся, с каким искусством они ухитрялись не падать, когда ястребы носились виражами среди ветвей.

Из лесного мрака появились лучники в плащах. По снегу легко шли ряды эльфов, облаченных в изящные доспехи, словно сделанные из листьев, и вооруженных тонкими копьями с двумя наконечниками.

Калар не знал, сколько эльфийских воинов присоединилось к ним. Казалось, все лесные эльфы идут к Дубу Веков вместе с ними.

Даже то восхищение лесом Лорэн, которое чувствовал Калар до этого, померкло по сравнению с тем, что он испытал сейчас, когда они наконец прибыли к цели. У него перехватило дыхание. Несомненно, лишь очень немногие из людей видели то, что видел сейчас он.

Это было дерево такого размера, что глазам не верилось. Даже те огромные дубы, ели и ясени, что он видел в лесу до того, казались карликами по сравнению с этим древесным гигантом. Калар не сомневался, что это и есть тот самый Дуб Веков, к которому они ехали.

Более тысячи человек могли бы встать, вытянув руки, вокруг ствола древнего дуба, и даже не соприкоснуться пальцами. Калар был уверен, что если бы это дерево каким-то образом оказалось в центре Курони, его ветви протянулись бы от одного конца города до другого. Дуб был больше любого замка в Старом Свете, и высоким, словно гора, его верхние ветви скрывались в облаках. Даже самые нижние из его ветвей были гораздо выше любого из других деревьев вокруг, отбрасывая тень на них. На голых ветвях дуба лежал снег, гигантский древний ствол был покрыт льдом. Громадный дуб окружали изящные каменные столбы, покрытые затейливыми рунами, светившимися волшебным зеленым светом.

Калар не сомневался, что он сейчас видит перед собой одно из самых больших и самых древних живых существ в мире, и чувствовал себя смущенным такой честью. Воздух здесь был особенно морозным, и Калар понял, что это и есть источник той неестественной зимы, охватившей лес.

Белый олень остановился, конь Калара и Дикие Всадники замерли за ним. Наступила выжидательная тишина.

В стволе гигантского дуба была огромная арка, словно ворота в замок, достаточно широкая, чтобы в нее могли проехать в один ряд пятьдесят рыцарей, и еще осталось бы место. С арки свисали сосульки, словно зубы дракона, готовые вцепиться в любого, кто посмеет войти. Из темного входа в тайные глубины гигантского дерева поднимался туман.

Глядя на зияющую арку, Калар почувствовал странное ощущение, словно мурашки по коже, и едкий металлический привкус на языке.

- Колдовство, - прошептал он, вынув из ножен меч.

Дикие Всадники явно тоже ощутили присутствие магии - они зарычали и оскалили зубы, схватившись за оружие. Их кони возбужденно затопали копытами, встряхивая головами, гривы развевались из стороны в сторону.

Узловатая кора Дуба Веков начала изменяться и искажаться, замерзшие ветви изгибались, словно в конвульсиях, и казалось, все дерево содрогается в безмолвной агонии. Лед стал трескаться и опадать со ствола дуба большими кусками, с огромных ветвей посыпался снег.

По рядам эльфов прокатился гневный ропот.

Земля перед белым оленем задрожала, из нее вырвались корни, толстые, будто стволы деревьев, взметнув волну снега и сырой земли. Белый олень отступил назад. Корни Дуба Веков поднялись в воздух, сплетаясь вместе в один огромный стебель. Он поднялся на двадцать, тридцать, сорок футов в высоту, на его конце появился быстро растущий бутон размером с небольшой дом. Лепестки бутона раскрылись, и внутри него оказалась странная фигура. Вокруг нее клубился ледяной туман, изливаясь на землю, словно водопад. Это было существо одновременно соблазнительно прекрасное и ужасающее.

- Дрича, - прошипел один из Диких Всадников. Эльфы на поляне вокруг дуба повторяли это имя с ненавистью и страхом.

Древнее существо, исполненное ярости и злобы, она, однако, обладала телом богини. Ее обнаженная кожа была серебристо-зеленой, густые волосы из спутанных корней и сухих листьев спускались на спину, извиваясь, словно клубок змей. Ее изящные руки у локтей переходили в длинные ветви, а на пальцах росли когти, похожие на клинки, каждый длиной с короткий меч.

Нечеловеческие черты ее лица были изысканно прекрасными и в то же время пугающими. Ее большие удлиненные глаза сияли магическим зеленым светом и убийственной злобой.

Корни Дуба Веков обвивались вокруг ее ног, закручиваясь вокруг лодыжек и бедер, окружая ее стройную талию. Вдруг корни стали втягиваться, опуская Дричу на землю. Она остановилась у арочного входа в ледяное сердце Дуба Веков, и корни исчезли в земле.

Она взглянула на белого оленя и эльфийских воинов с нескрываемым презрением. Ее полные зеленоватые губы скривились в ядовитой усмешке.

- Убирайтесь, эльфийские глупцы, - прошипел злобный лесной дух, эти слова раздавались в разуме Калара. - В Атэль Лорэне вам больше не рады.

От ее шепота по спине Калара прошел мороз. Это был шипящий голос змеи, полный горечи и яда. Слова

произносились на певучем музыкальном языке эльфов, но Калар обнаружил, что может понимать их.

- Король-в-Лесу - прах и пепел, а его королева спит в объятиях зимы, - продолжала Дрича. - Слишком долго эльфы держали лес в неволе, и теперь он жаждет освободиться. И с первыми лучами солнца он будет свободным.

Калар чувствовал накаляющуюся ярость Диких Всадников, растущий гнев, который угрожал выплеснуться в любое мгновение.

Лишь на даму под вуалью слова Дричи, казалось, не произвели впечатления. Дама соскользнула со спины величественного белого оленя и пошла навстречу Дриче. Злобный лесной дух взирал на нее с ненавистью, вытянув когти, спутанные волосы Дричи шевелились, словно змеи.

- Прочь с дороги, Дрича, - произнесла дама под вуалью, остановившись в двадцати футах от Духа Ветвей. - Прибыли Конюшие Курноуса, как они и должны в канун весеннего равноденствия, со времен далекой Зимы Скорби. Они привели с собой Того-Кто-Будет-Королем, Утреннюю Звезду, и ты не имеешь права вставать на их пути. Еще есть время совершить жертвоприношение и умиротворить лес.

- Ты не принадлежишь этому месту, смертное существо, - прошипела Дрича. - У тебя нет власти здесь, нет права говорить или действовать. Рассвет наступает. Совершать жертвоприношение уже поздно.

Говоря это, Дрича начала отступать назад, покачивая бедрами. Она позволила проявиться своей воинственной ипостаси, и ее лицо исказилось, принимая облик чудовищной ведьмы, кожа превратилась в потрескавшееся дерево, отражая ужасную тьму ее души.

Она шагнула обратно в тень арки в стволе Дуба Веков, ее сияющие зеленые глаза светились во мраке.

- Рассвет наступает, красный и кровавый, а договор остается невыполненным, - прошипела Дрича. - Время азраев кончилось.

Она воздела руки, и вокруг нее поднялась ледяная буря. Дрича вытянула свои страшные когти, словно указывая на эльфов, и ураган льда и снега обрушился на поляну, захлестывая даму под вуалью и эльфийских воинов. Калар вскрикнул, увидев, что дама исчезла в буре. Температура резко опустилась, и ему пришлось закрыть лицо от воющей метели, бушевавшей вокруг.

Эльфы падали на землю, их крики уносило бурей, острые куски льда рассекали их лица. Лошади вставали на дыбы в панике, и многие падали с ног в свирепой буре, ослепляющей и оглушающей.

Буря прекратилась так же внезапно, как и началась, и Калар увидел, что дама под вуалью стоит невредимой посреди поляны. Дричи нигде не было видно, но Калар заметил тысячи пар глаз, мерцавших в тенях за Дубом Веков.

Потемневший лес внезапно ожил, придя в движение. Из самых глубоких чащоб вышло целое воинство - ошеломляющее разнообразие существ, объединенных общей ненавистью.

Стаи ворон сидели на ветвях Дуба Веков, каркая и хлопая крыльями. На их пернатых спинах сидели маленькие черные лесные духи в красных шапочках, размахивая крошечными копытами и луками.

Из мрака леса перед огромным деревом появились дриады, их когти кровожадно подергивались, глаза горели. Иные из них были в боевой ипостаси, готовые к войне; лица их являли собой ужасные маски из мертвой древесины и терновника. Другие имели обличье эльфийских нимф с зеленоватой кожей, их тела были обманчиво прекрасны.

За ними двигались гиганты из дерева и папоротников, громадные чудовища, напоенные жизненной силой злобных лесных духов. Некоторые из них напоминали высохшие мертвые деревья, другие казались сырыми грудками гниющей древесины и ветвей, принявшими отдаленно гуманоидную форму. Большинство из них были больше восьми футов ростом, а иные достигали двадцати футов. Их покрывали плющи и лишайники, у многих на горбачих спинах росли папоротники и разноцветные грибы. Грубые пародии на людей, они неуклюже шагали вперед, чтобы давить и уничтожать, гонимые в бой ненавистью Дричи.

Целые тучи маленьких светящихся лесных духов порхали между ветвями, с шипением и треском, размахивая крошечным оружием, их блестящие крылья мелькали в воздухе. Другие ехали верхом на совах, ласках или больших мотыльках с пыльными крыльями. Многие просто бежали по снегу, прыгая и кувыркаясь под ногами своих более крупных собратьев. Блуждающие огоньки покачивались в воздухе, и крошечные существа, казалось, состоявшие лишь из листьев и шипов, шли вперед, их черные глаза сверкали жаждой насилия. Паукообразные твари из стеблей и колючек ползли по ветвям, с их щелкавших жвал стекал яд, похожий на древесный сок. Волки с белой шерстью рыскали в тенях, рыча и оскаливая зубы.

Разнообразие лесных тварей, окруживших Дуб Веков, было ошеломляющим. Калар заметил в их рядах даже небольшую группу эльфов-изгнанников, зачернивших свои лица сажей и украсивших кожу татуировками, похожими на паутину.

Возвышаясь над ними всеми, шагало существо пятидесяти футов ростом, словно оживший древний искривленный дуб, его покрытая наростами кожа-кора была будто обожжена огнем. Когда каждая из его огромных ног с грохотом опускалась в снег, она пускала корни в почву, от чего земля содрогалась и тряслась. Гигантские руки-сучья, способные раскрошить в пыль стены замка, угрожающе размахивали. В дуплах и наростах, испещрявших обожженную кору гиганта, прятались целые рои злых маленьких лесных духов. В середине ствола древесного чудовища зияла огромная пасть, полная острых зубов, похожих на щепки. Над этой ужасной пастью мерцала пара маленьких злобных глаз.

- С нами древний Коэддил, освобожденный от сковывавших его чар, - раздался голос Дричи из арки в стволе Дуба Веков. - Познайте страх, ничтожные смертные, возжелавшие быть повелителями леса. Время расплаты пришло!

С оглушительным ревом гигантский древолюд ударил руками о землю. Земля задрожала и стала вспучиваться, словно какие-то твари рыли под ней норы, потянувшиеся к Калару и войску эльфов. Мгновение спустя из-под снега вырвался целый лес корней. Они стали обвиваться вокруг ног эльфов и их лошадей, крепко вцепляясь в них и обрушивая на землю.

Корни потянулись и к белому оленю, стремясь опутать царственного зверя и его всадников. Внезапно вспыхнул белый свет, и тянувшиеся корни превратились в пепел, безвредно осыпавшийся на землю.

Но другие не имели такой защиты, и раздался крики боли и страха, когда вцеплявшиеся корни сбрасывали эльфов на землю. Калар увидел, что до дюжины Диких Всадников упали, когда корни повалили их лошадей, ржавших в ужасе. Упавшие эльфы мгновенно были накрыты массой корней, вцеплявшихся в их руки, тела и шеи. Эльфийские воины отчаянно сопротивлялись, пытаясь сбросить живые путы, но ничего не могли сделать, и корни утягивали их под мерзлую землю, прямо в могилу.

Галибор встал на дыбы, пытаясь избежать хватки корней, которые, словно огромные черви, выползли из-под снега. Когда они потянулись вверх, Калар рубанул по ним мечом.

- В атаку! - воскликнула дама под вуалью.

На поляне взревели десятки охотничьих рогов, и эльфы с криком и воем бросились вперед, атакуя темное войско лесных духов. Серовато-синее предрассветное небо потемнело от стрел, группы всадников на ястребах обрушились на врага с небес, огромные охотничьи птицы складывали крылья, камнем падая сквозь кроны деревьев. Раскрашенные эльфийские воины вертелись и кувыркались, танец их клинков был прекрасным и смертоносным. Эльфы в меховых плащах бегом бросились в бой, ловко вращая своими копьями с двумя наконечниками.

Белый олень поскакал вперед, окруженный Дикими Всадниками, и Калар почувствовал, что их скачка увлекает и его. Дама под вуалью повернулась к нему, и рыцарь ощутил на себе пронзительный взгляд, хотя ее лица не было видно.

- Дрича, Дух Ветвей, должна быть изгнана из Дуба Веков, прежде чем будущий король возродится, - сказала она, ее странный тройственный голос звучал прямо в его разуме. - Но Дрича наложила на Дуб такие чары, что ни одно лесное существо и никто, в ком есть эльфийская кровь, не может войти в него.

- Значит, это моя задача, - сказал Калар. - Вот зачем Владычица привела меня сюда.

- Возможно, брат.

Калар изумленно посмотрел на нее.

- Анара?!

- Скачи, Калар! - воскликнула дама под вуалью, его сестра-близнец, и белый олень прыгнул вперед.

Бой был жестоким, каждая из сторон сражалась с яростью и пылом.

Дриады рубили и кололи эльфов своими конечностями, похожими на клинки. Других эльфов рвали на куски огромные лесные чудовища. Тяжелые древесные руки повергали на землю грациозных воинов, на них набрасывались полчища темных лесных духов, хлопая крыльями и сверкая ножами. Древний Коэддил швырял эльфов высоко в воздух каждым взмахом своих гигантских рук, и еще десятки утащил под землю, обвивая их своими цепкими корнями.

Сверхъестественные Дикие Всадники, дорого продавая свои жизни, расчищали путь для Калара и белого оленя. Они были лишь в пятидесяти ярдах от Дуба Веков, когда Калар пришпорил Галибора, вырвавшись из кольца Диких Всадников, и поскакал к темной арке.

Дриады в ярости завопили и бросились ему наперерез, размахивая смертоносными когтями, но Калар, рубя их на скаку, промчался мимо них.

Он пришпорил Галибора, заставив коня прыгнуть, и они въехали в огромную арку. На Калара нахлынуло головокружение, он ощутил, что его кожу странно покалывает.

Потом он стал падать, окруженный ледяным ослепляющим туманом, а потом... ничего.

IX

Тяжело дыша, Калар очнулся.

Он лежал на бархатной кровати с балдахином, и было слышно, как на улице поют утренние птицы. Сквозь арочные окна лился солнечный свет, теплый ветер приносил в роскошную спальню запах весны.

Свесив ноги с кровати, он растерянно огляделся вокруг. У кровати стоял открытый сундук, полный одежды – его одежды. На столике стояли серебряные тарелки с недоеденными перепелками и уткой. В углу комнаты на деревянной стойке висели его доспехи, а на холодном камине лежал его меч.

Он был в своей спальне в замке Гарамон. Он был дома.

Странные, полузабытые образы наполнили его разум. Он видел лес, полный злых духов, и деревья, которые ходили как люди. Он видел легендарных эльфов с золотистыми глазами и заостренными ушами. Он содрогнулся, вспомнив неестественную зиму, укрывшую снегом землю в лесу.

Эти его видения быстро таяли, рассеиваясь, как туман над озером под лучами восходящего солнца. Он знал, что было что-то важное, что он должен был сделать, что-то, что он должен был вспомнить. Но он не мог вспомнить, что это.

Вздыхнув, он поднялся на ноги и подошел к тазу для умывания. Его слуха достигли знакомые звуки замка. Он слышал голоса крестьян в полях, слышал звон котлов и сковородок на замковой кухне внизу. Он слышал лязг оружия, слышал, как йомен, тренирующий ратников, кричит на них. Слышал, как кузнец стучит молотом по наковальне. Слышал, как служанка что-то фальшиво напевает, направляясь по своим делам.

Налив воды из кувшина в таз, Калар стал умываться, плеская себе в лицо холодной водой. Он посмотрел в зеркало. Его лицо было гладким и молодым.

Дверь распахнулась, и Калар, обернувшись, увидел, как в комнату ввалился его брат Бертелис. Шатаясь, Бертелис повалился на кровать Калара и театрально застонал.

- Никогда больше не буду пить, - сказал Бертелис. - Что за ночь!

Калар усмехнулся.

- Моя голова сейчас взорвется, - простонал Бертелис. - Хватит уже!

- Я видел странный сон, - сказал Калар, снова повернувшись к тазу для умывания и глядя в зеркало. Отражение в зеркале казалось почти чужим...

- Да? - хмыкнул Бертелис. - Тебе приснилось, что ты победил меня на турнире? Потому что это было бы странно.

- Нет, - ответил Калар. - Мне снилось, что я отправился в Поиск. Моя одежда была изорвана и покрыта грязью, доспехи изношены и помяты. У меня выросла борода и в волосах появилась седина. Я устал. Так устал...

Бертелис фыркнул.

- Какие-то скучные у тебя сны, брат. То ли дело мои...

- Я вернулся домой после многих лет странствий, но Гарамон был в руинах, - продолжал Калар. - А Элизабет была мертва. Ты убил ее, брат. Это был несчастный случай, но я был зол на тебя и поражен горем. Мы поссорились, и ты ушел. Я не видел тебя много лет...

- Хватит, Калар, - произнес Бертелис, вставая. - Как видишь, Гарамон цел и невредим. Я здесь, а Элизабет жива и здорова. На следующей неделе свадьба.

- Свадьба? - удивился Калар.

Бертелис расхохотался.

- Да, твоя свадьба. Только не говори, что ты забыл.

- Нет, конечно нет, - смутился Калар.

- А сон этот забудь. Все это реально, - сказал Бертелис, указывая на комнату. - И это все, что имеет значение.

- Я... я помню, как отправился в Музильон в этом кошмаре, - сказал Калар. - Да, теперь я вспоминаю.

- Яйца Ранальда, Калар! Это был сон и ничего более. Забудь о нем.

Калар не понимал, почему его брат так злится, но не придавал этому особого значения. Он содрогнулся, возвращаясь в памяти назад, пытаясь поймать ускользающие воспоминания. Все это было так реально...

- Меровех, - прошептал он. - Герцог Меровех Безумный. Он вернулся. Он поднял армию оживших мертвецов и готовит поход против короля. Предстоит великая битва. Я хотел сражаться в войске короля, но что-то отвлекло меня - видение, я думаю. Оно увело меня далеко, в заколдованный лес Лорэн...

- Хватит! - прорычал Бертелис. - Я не хочу слушать это, брат!

- Ты был там, в Музильоне, брат, - произнес Калар, нахмурившись и вспоминая. Ты был там, но ты не был собой. Ты был... ты был...

- Чем я был, брат? - спросил Бертелис, его голос был холодным и враждебным.

- Мертвым, - равнодушно произнес Калар.

- Да, мертвым. Ты убил меня, помнишь?

Внезапно он оказался позади Калара, хотя в зеркале его отражения не было. Волосы на затылке Калара встали дыбом. Он понял, что это существо - вовсе не его брат.

- Ты отбросил меня, брат, - сказал Бертелис. - Ты отвернулся от меня, чтобы успокоить свое чувство вины. Но все это - твоя вина. Это ты предал меня в руки Меровеха. А потом ты убил меня. Но сейчас твоя очередь умереть.

Калар схватил в руки меч и резко развернулся, когда тварь, притворявшаяся его братом, бросилась в атаку.

Он увидел ужасное оскаленное лицо, казалось, вырезанное из дерева. В нос ударил запах гниющих листьев. Когти, похожие на клинки, метнулись к его лицу, но Калар отбил их Мечом Гарамона, сиявшим белым светом.

Он ощутил, как клинок глубоко вонзился в древесную плоть, и существо завопило.

Когти ударили его по лицу с такой силой, что его отбросило назад, и Калар тяжело рухнул на землю. На мгновение ему показалось, что он чувствует под руками снег. Кровь лилась по щеке, но он вскочил на

ноги и поднял клинок в защитной стойке.

Существо, атаковавшее его, исчезло.

В почерневших руинах замка Гарамон дул холодный ветер.

- Что, во имя Владычицы... - прошептал Калар, оглядываясь вокруг.

Он стоял в своей старой спальне, но ее стены осыпались. Над головой темнело ночное небо.

Услышав движение позади, Калар резко обернулся.

Из теней вышла фигура, и глаза Калара расширились от ужаса.

- Нет... - произнес он.

Женщина вышла на лунный свет, глядя на него умоляющими глазами, полными скорби.

Это была Элизабет, молодая дворянка, в которую он был влюблен много лет назад - и которая предала его. Ее лицо было бледным, она была облачена в длинный погребальный саван, складки которого развевались на ветру. Она протянула руки к Калару, безмолвно умоляя его о прощении.

- Ты мертва, - прошептал Калар, отшатнувшись от нее.

Она печально кивнула, и по ее лицу полилась кровь из раны в виске, там, где голова была разбита. Калар вспомнил тот ужасный звук, с которым она ударилась о холодные мраморные ступени цитадели Леонуа. Кровь стала пропитывать ее саван, который начал прилипать к телу. По щекам ее текли слезы.

- Мне жаль, - сказал Калар, отступая от нее еще дальше, пока не уперся спиной в почерневшую от огня стену.

- Мне жаль, - повторил он, когда она медленно заскользила к нему. Ее ноги висели в воздухе в дюйме над землей.

Дрожащими руками Калар поднял Меч Гарамона.

- Ее смерть на твоей совести, - произнес знакомый гулкий голос.

- Отец? - спросил Калар, оглядываясь.

Он снова оказался в другом месте и обнаружил себя в родовом склепе замка Гарамон. Его отец, облаченный в посмертные одеяния, стоял неподвижно, глядя на него холодными мертвыми глазами. Кожа кастеляна Лютьера была серой.

- Эта бедная неуспокоенная душа блуждает потерянной между мирами из-за тебя, - произнес старый кастелян Гарамона.

- Она отравляла тебя, отец, - сказал Калар.

- Недурное сходство, - заметил Лютьер, глядя на резной каменный саркофаг, в котором лежали его останки. На мраморной крышке было вырезано изображение самого Лютьера в расцвете сил, могучего и гордого, скрестившего руки на широкой груди в кирасе. - Она делала то, что считала лучшим для нее и для тебя. Она не заслужила такой жестокой участи, что выпала ей.

- Это была не моя вина, отец, - возразил Калар.

- Ты мне больше не сын, - заявил Лютьер. - У меня был только один сын, которым я мог гордиться, и ты убил его. Если бы я не был так слаб, то задушил бы и тебя и твою сестру-ведьму. Я должен был сжечь твою мать на костре. Ее оскверненная кровь погубила род Гарамон.

- Нет, - сказал Калар.

- Если бы ты обладал хоть какой-то храбростью, то сам бы покончил с собой, - произнес Лютьер. - Но в своей подлой трусости ты оказался неспособен даже на это.

- Отец, пожалуйста.

Снова он оказался в другом месте. Он стоял за пределами руин замка Гарамон, но теперь среди развалин стояли тени сотни рыцарей и крестьян, в отчаянии глядя на него. Они были призрачны, словно туман, а их глаза полны осуждения.

- Они все умерли из-за тебя, - слышался голос его отца. - Если бы ты был здесь, исполняя свой долг, они бы остались в живых.

- Я ушел в Поиск, - возразил Калар.

- Ты поклялся защищать их. Твое место было здесь.

Из толпы неупокоенных духов вышли две фигуры, и Калар почувствовал, что его сердце разрывается.

Стройный подросток, едва вышедший из детства, и широкоплечий старик подошли к нему. У подростка были волнистые волосы до плеч, он был облачен в богатые одежды дворянина. Его лицо было честным и открытым, на носу и щеках виднелись веснушки. Старик с густой седой бородой носил повязку на обоих глазах.

Этот мальчик был Орландо - племянник и наследник Калара. Уходя в Поиск и сложив с себя обязанности управления, Калар назначил его кастеляном Гарамона. Когда Калар видел его в последний раз, Орландо был еще ребенком. Старик - барон Монкадас, который обещал быть опекуном Орландо в отсутствие Калара. Оба они были убиты в ту кровавую ночь, когда был разрушен замок Гарамон.

- Ты так и не вернулся, - сказал Орландо. Его голос был пустым, словно вся радость и веселье юности были отняты у него вместе с жизнью. - Ты должен был быть здесь.

- Мне так жаль, - произнес Калар. - Я и подумать не мог, что такое могло случиться.

- Твои пустые оправдания ничего не значат, - сказал Монкадас своим рокочущим голосом. - Мальчик был ни в чем не виноват. Его кровь на твоих руках.

Калар в отчаянии зажмурился, чувствуя, как давит на него невыносимая тяжесть вины. Когда он открыл глаза, то снова оказался в другом месте.

Он был в палатке полевого лекаря, полной мертвых и умирающих. На столе перед ним лежал труп седовласого рыцаря. Его доспехи были пробиты в десятке мест, разорванная кольчуга свисала ключьями. Из его тела торчали наконечники сломанных копий, в глубокой ране над бедром застрял топор.

- Гюнтер, - произнес Калар, глядя на мертвое тело своего старого учителя и друга.

Гюнтер был для него отцом больше, чем Лютьер. Вина за смерть Гюнтера до сих пор терзала его.

Когда Калар был еще молодым странствующим рыцарем, он по глупости оказался вовлечен в дуэль с Малориком из Сангасса. Малорик воспользовался своим правом выставить на поединок чемпиона – это был Ганелон, жестокий рыцарь, никогда не проигрывавший поединков. Калар знал, что он не сможет победить такого противника, но Гюнтер вышел на дуэль вместо своего воспитанника, и, хотя убил Ганелона, но и сам был смертельно ранен.

Внезапно голова мертвого Гюнтера повернулась, и его глаза открылись.

- Я умер, чтобы ты мог жить, Калар, - сказал он. - Но ты принес своему роду лишь бесчестье.

На глаза Калара навернулись слезы стыда.

- Мне жаль, - сказал он.

Он стоял на острове, окруженном туманом. Он слышал рев океана, волны которого бились о скалы. Пляж, покрытый галькой, был усеян трупами бретонских рыцарей и диких норсканцев.

Посреди этой картины смерти шел одинокий рыцарь, гордый и высокий, направляясь к Калару. Яркосиний плащ развевался за его спиной, его лазурный табард был окаймлен серебром. Доспехи рыцаря были богато украшены, его голову защищал высокий шлем, украшенный статуэткой единорога, окруженной свечами. Ни одна из них не была зажжена.

- Реол, - сказал Калар.

- Он был лучшим из людей, самым доблестным и благородным из паладинов, - произнес голос позади него.

Калару не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто говорит; это был голос его сестры Анары.

- Он был моим возлюбленным и другом, и он умер бесполезно, - сказала она.

- Он умер славной смертью, - сказал Калар, не отрывая взгляда от безмолвной фигуры рыцаря Грааля, шагавшего к нему.

- В смерти нет ничего славного, - сказала Анара. - Мы рождаемся в одиночестве, и в одиночестве умираем. Смерти все равно, были мы милосердными, благородными и справедливыми в наше короткое время в этом мире, или же мы были жестокими убийцами. В конце пути мы все становимся лишь прахом. Ты сказал, что он умер благородной смертью. Это не значит ничего. Он мертв, и мир стал хуже из-за этого. Его смерть была бессмысленной. Она не изменила ничего.

- Он так не считал.

Реол остановился перед Каларом, опустившимся на одно колено и склонившим голову.

Слышался грохот прибоя и крики морских птиц.

- Он умер из-за тебя, брат, - сказала Анара.

- Нет, - Калар встряхнул головой.

- Подумай об этом, брат. Не было бы войны с норсканцами, если бы ты погиб вместо Гюнтера в том

поединке на полях Бордело. Это ты должен был пасть под клинком Ганелона. Элизабет перестала бы добавлять яд в лекарство нашего отца, и он дожил бы до того, чтобы увидеть, как его внуки учатся под руководством Гюнтера. Действия и их последствия.

- Внуки?

- Дети Бертелиса, - пояснила Анара. - Они выросли бы сильными и гордыми рыцарями, в их крови не было бы скверны нашей матери.

- Ты не можешь знать, что все это произошло бы, - сказал Калар.

- Я пророчица богини, брат. Я говорю правду. Если бы ты погиб вместо Гюнтера, род Гарамон бы процветал. У Элизабет не было бы причины искать ведьму Хегтесс. Она оплакала бы твою смерть, но жила бы долго и счастливо. Она бы мирно состарилась и тихо умерла во сне. Без нее норсканский вождь Стирбьорн не пришел бы к нашим берегам. Он и его родичи погибли бы в междоусобной войне с соседним племенем, и его имя было бы забыто.

- Прекрати, - сказал Калар. - Пожалуйста, прекрати.

Анара проигнорировала его, и, подойдя ближе, продолжала говорить.

- Демоническое дитя не было бы зачато в утробе Элизабет. И не было бы войны в Леонуа, чтобы спасти ее. Десятки тысяч жизней были бы сохранены. Это нерожденное дитя значило все для норсканского вождя. Когда ты украл у него Элизабет, он был готов разорвать весь мир, чтобы вернуть ее. И в благородной попытке избежать дальнейшего кровопролития мой Реол принял вызов скелинга - и заплатил высочайшую цену.

Калар тряс головой, пытаясь не слушать слова сестры.

- Действия и их последствия, брат, - сказала Анара. - Он погиб из-за тебя. Они все погибли из-за тебя.

Калар обнаружил, что стоит на продуваемой ветром равнине, под небесами лишенными какого-либо цвета. Насколько хватало взгляда, повсюду неровными рядами стояли мертвецы. Они все были здесь: его отец, Элизабет, Гюнтер, Реол, Орландо, Монкадас и десятки тысяч других. Они стояли в молчании, глядя на него, и бремя вины невыносимой тяжестью давило на Калара. Бертелис стоял ближе всех. Калар не мог смотреть ему в глаза.

- Это ты должен был умереть, - сказали они все как один.

Сам не зная как, Калар обнаружил, что держит Меч Гарамона направленным на себя, острое клинка упиралось ему в горло. По щекам лились слезы. Все, что нужно было сделать - надавить, и вся эта боль, все эти страдания закончатся. Момент боли, а потом... ничего. Все его мучительное чувство вины будет смыто прочь, словно лист в ручье.

- Сделай это, брат, - произнес Бертелис.

- Докажи, что ты действительно мой сын, - сказал Лютьер. - Покончи с этим сейчас!

- Сделай это! - взревели тысячи оглушительных голосов.

Калар напрягся, закрыв глаза и приготовившись покончить с жизнью.

- Владычица милосердия, прости меня, - прошептал он. - Я не оправдал твоих ожиданий...

Неприятный сладковато-гнилостный запах заставил его остановиться. Пахло гнилой древесиной и прелыми листьями, что на мгновение привело его в замешательство.

- Сделай это! - завопила армия мертвецов, но Калар не обратил на них внимания. Память начала возвращаться к нему, и иллюзии, которые наслала Дрича, стали рассеиваться.

Он вспомнил, что это Владычица привела его в лес Лорэн, и по ее божественной воле он оказался здесь, в этом месте и в это время.

Глаза Калара открылись, и он вскочил на ноги. Меч Гарамона засиял белым пламенем, и рыцарь услышал, как Дрича взвыла от злобы и разочарования.

Иллюзия бесконечной равнины мира мертвых раскололась, словно хрусталь под ударом молота, и Калар снова оказался в замерзшем сердце Дуба Веков.

Это не было похоже на что-либо, что Калар мог представить. Он стоял в огромном подземном зале, магическом замерзшем царстве, тянувшемся во всех направлениях. Сферы света слегка покачивались в воздухе, излучая мягкое сияние, похожее на первые лучи рассвета. Где-то очень высоко над головой виднелся земляной потолок, и свешивавшиеся с него огромные корни Дуба Веков, переплетались, образуя колонны, уходящие в землю. Другие корни спускались вдоль покатых далеких стен, образуя арочные проходы, ведущие в другие залы глубоко под лесом.

Это странное место было словно уменьшенной копией мира наверху. Снег хрустел под сапогами Калара, изумленно оглядывавшегося вокруг. К стенам со всех сторон поднимались пологие холмы, образуя в центре подземного зала естественное углубление вроде долины. В ней разливалось широкое замерзшее озеро, его ледяная поверхность сверкала, словно зеркало, посреди озера возвышался небольшой остров.

Калар почувствовал, что его как будто тянет к этому озеру. Спрятав в ножны Меч Гарамона, он пошел, ступая по мягкому снегу. Его глаза все время смотрели на остров. На острове была видна небольшая роща деревьев, лишенных листьев. Извилистая тропка вела к низкому скалистому мысу, выступавшему изо льда.

Снег был уже по колено, но Калар ускорил шаг, подгоняемый неким сверхъестественным побуждением. Он поспешил вниз по заснеженному склону. У края озера земля была более ровной, и, подойдя к нему, Калар без колебаний вышел на лед.

Воздух был ледяным, свежим и тихим. Наконец Калар добрался до острова. Он поднялся по тропинке между обледеневшими деревьями и прошел в каменную арку, украшенную узорами, похожими на плющ, и витыми рунами. Он медленно вышел на каменный мыс, самую высокую точку на острове.

Там было круглое возвышение, и именно к нему влекло Калара. Едва осмеливаясь дышать, он подошел. На изящно изваянном каменном пьедестале возлежала богиня.

Высокая и стройная, она обладала такой удивительной холодной красотой, что сердце Калара сжалось от боли. Эльфийская богиня была погружена в сон. Она могла быть изваяна из мрамора, таким безупречным было ее лицо, и такой фарфорово-бледной была ее кожа. Волосы ее были синевато-черного оттенка полуночного неба, как и ее платье, свешивавшееся с алтаря, на котором она лежала. Ее тонкую талию окружал пояс из замерзших листьев, венки из таких же листьев украшал ее лоб. Ее безупречные алебастровые руки были обвиты плющом. На ее щеках блестел иней, а на ресницах поблескивали ледяные кристаллы.

Она была сверхъестественно безупречна – замерзшее божество, скованное смертельным сном зимы.

Калар ощутил присутствие Дричи прежде, чем увидел ее. Она возникла позади него, материализовавшись словно пар. Калар напрягся, схватившись за рукоять Меча Гарамона, и повернулся к ней.

Он увидел, как она выпустила когти и пошла навстречу ему, приняв свое самое прекрасное обличье. Ее изумрудные глаза не моргали. Она прошла сквозь каменную арку с неспешной кошачьей грацией, ее тонкие пальцы скользнули по резному камню.

Она была обнажена. Наготу ее прикрывал только поток змееподобных волос, струившийся по гибкой фигуре. Волосы, полные веток и плюща, казались живой массой, ласкавшей ее тело. Ноги ее были босы, но она шла по снегу так, словно не чувствовала холода.

Глядя на это сверхъестественное создание, Калар не ощущал плотского желания. Она была прекрасна, как ни одно смертное существо, но эта красота не действовала на рыцаря. Он знал, какая лютая злоба таится за этой красотой и грацией.

- Тебя не должно быть здесь, смертный, - сказала Дрича, чей голос был чувственным и соблазнительным.
- Это священное место.

- Ты источник этой странной зимы, - произнес Калар. - Но сможешь ли ты и дальше не позволять весне наступить? Не будет ли твоя богиня недовольна тем, что ты заточила ее здесь?

- Она не богиня. И когда договор будет разорван, она перестанет быть и королевой лесных духов. Ты не из леса и не знаешь, о чем говоришь, - ответила Дрича, подходя ближе. Ее глаза сверкали, а волосы извивались.

- Я знаю достаточно, чтобы понимать, что твое сердце прогнило, - сказал Калар.

- Я ходила по этой земле задолго до рождения вашей столь недолго живущей расы, - прорычала Дрича, искривив свои полные губы. - И я все еще буду ходить по ней, когда ты и твои жалкие сородичи станете забытым воспоминанием.

- Может быть, - пожал плечами Калар.

- Я помню, как сюда пришли эльфы, задолго до того, как они стали азраями, - продолжала Дрича. - Я видела, как они впервые вошли в лес. Они были полны страха. Я смеялась, когда их кровь проливалась на землю леса. Я была в ярости, когда наша судьба оказалась связана с их судьбой. Это была ошибка, но их время подошло к концу.

Дрича шагала вперед и назад перед Каларом, в ее голосе звучала горечь. Ее пальцы превратились в шипастые когти, а волосы развевались.

- Глупо было позволить им получить помощь леса. Нельзя было им доверять. Что они могли предложить нам? Мы не нуждались в их помощи, но они нуждались в нашей. Мы не боялись ни бородатого горного народа с их топорами, ни свирепых зеленокожих с их огнем – это эльфы нуждались в нас.

Калар внимательно следил за Дричей, его рука по-прежнему сжимала рукоять меча. Он видел, с какой скоростью и ловкостью сражались прислужницы Дричи, и знал, что она может напасть на него в любой момент. Но она не застанет его врасплох.

- Они всегда были слабовольными существами, но преисполненными коварства и хитрости. Нельзя было доверять им... а мы им доверяли. Они заискивали перед нами, брали у нас те знания, которые могли собрать, но сами мало что давали. Они украли нашу магию и наши тайны. Они заперли нас, оградив лес своими проклятыми камнями. Лес бушует в ярости, жаждет быть свободным, - сказала Дрича. - И когда этот глупый договор между эльфами и лесом будет отменен, лес освободится, и мир содрогнется!

Дрича перестала шагать туда-сюда, и посмотрела на Калара с неприкрытой злобой, сжимая когти.

- Покинь это место, смертный, - произнесла она ледяным голосом. - Ты здесь не нужен. Все это - не твое дело.

- Нет, - ответил Калар. - Я здесь по воле Владычицы, и я не подведу Ее.

- Я знаю все твои надежды и желания, смертный, - сказала Дрича. - Ничто не скрыто от меня. Я могу дать тебе то, что ты хочешь. Я могу провести тебя темными тропами, что тянутся далеко и переплетаются во мраке. Ты сможешь встать рядом со своими сородичами и сражаться против тьмы, которая сейчас угрожает вам.

- Нет, - сказал Калар.

- Ты не хочешь участвовать в бою за свою родину? Он уже идет. Почему ты здесь, когда должен быть там? Разве это не твой долг? Разве это не часть твоей священной клятвы? «Защищать честь и жизнь короля превыше собственной»?

- Уйди из моей головы, - сказал Калар.

- Мертвые уже окружают каменную темницу, которую вы называете Куронь. Бой бушует много часов - и его исход висит на волоске.

- Замолчи, ведьма!

- Я не лгу, Калар из Гарамона, - прошипела Дрича. - Бой уже почти проигран.

- Я не верю тебе, - сказал он.

- Смотри, - сказала Дрича, указывая.

- Я ничего не вижу.

- Посмотри еще раз, Калар из Гарамона.

На него нахлынуло головокружение, но вскоре он понял, что видит что-то. Арка из резного камня была теперь темной. Сквозь нее должны были быть видны деревья и снег, но Калар, моргнув, увидел, что она ведет словно в некий темный туннель. Вспыхнули факелы, освещая путь. Туннель тянулся и тянулся, и в конце его Калар увидел...

- Куронь!

Он увидел высокие внешние стены столицы Бретонии, знамена, развевающиеся на ветру, которого Калар не чувствовал. В небесах над белыми башнями и стенами с бойницами клубились грозовые тучи, вспыхивали молнии. Десятки тысяч воинов сражались в отчаянной битве. Глаза Калара изумленно расширились. Десятки трещинок стреляли со стен Курони, метая огромные камни в бесконечную орду оживших мертвецов. Небо потемнело от стрел. Тысячи рыцарей клиньями храбро скакали в атаку, но

увязали в бесчисленных рядах неуспокоенных воинов Меровеха.

У Калара перехватило дыхание. Он наблюдал сейчас гибель своего народа.

- Как...? - выдохнул он.

- Ты знаешь в душе, что увиденное тобою - правда, - сказала Дрича.

И Калар действительно знал, что это правда, хотя отказывался верить в это.

- Иди же. Присоединись к своему народу. Умри вместе с ними. Разве не таково твое желание?

- Но что я один смогу изменить? - в отчаянии произнес Калар. - Как я в одиночку смогу повлиять на исход боя?

- Иди или оставайся. Выбор за тобой.

Туннель тянулся перед ним, и Калару казалось, что он слышит вдалеке звуки боя. Он должен быть там, сражаться и умереть, защищая короля. Это его долг.

Сделав мучительное усилие, он отвернулся.

- Нет, - ответил он. - Мое место здесь.

- Тогда ты глупец, - сказала Дрича. - Я сдеру кожу с твоих костей и скормлю твои внутренности банши. Вечность страданий ожидает тебя.

- Ты жалкая тварь, - презрительно сказал Калар. - Ты всего лишь рабыня своей злобы и обиды, пожираемая горечью и ядом. Твое сердце сгнило. Ты лишь навлекаешь позор на этот древний волшебный лес. Ты не смогла уничтожить меня своей ложью и иллюзиями. Твои угрозы ничего не значат для меня. Ты боишься меня, иначе зачем бы ты стала меня уговаривать? Ты боишься меня и знаешь, что я иду по верному пути.

Соблазнительная красота Дричи исчезла, сменившись маской свирепой ярости. За ее деревянными потрескавшимися губами виднелись зеленые зубы, похожие на иглы, и смолистые черные десны. Ее прекрасное юное тело превратилось в иссохшее чудовище из дерева и шипов. Она бросилась на Калара, выставив острые руки-ветви, чтобы пронзить его.

Калар выхватил Меч Гарамона, как только Дрича сменила облик. Свет Владычицы наполнил его, направляя его руку и уничтожая все сомнения.

Держа меч обеими руками, он шагнул навстречу Духу Ветвей, когда она метнулась к нему, и всадил оружие в ее тело, наколов ее на пламенеющий клинок. Удар остановил ее прыжок, и она повисла, насаженная на меч, ее лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Калара. Черный икор, похожий на древесный сок, потек по рукояти меча.

- Все кончено, - сказал Калар.

- Только для тебя, - прошипела Дрича, ее дыхание смердело гнилой древесиной.

Калар, нахмурившись, опустил взгляд. Обе заостренных руки Духа Ветвей, усеянные шипами, пронзили его кирасу.

Руки-клинки Дричи проткнули его насквозь и на три фута вышли из его спины. Он не чувствовал боли,

но из двух ран в груди лилась кровь. Казавшаяся невероятно яркой, она стекала по доспехам и ногам.

На мгновение они замерли неподвижно – Дрича, насаженная на меч Калара, и он, пронзенный насквозь ее руками. Потом Дрича выдернула руки-ветви из его груди, корявые сучья превратились в изящные руки эльфийской нимфы, шипастая кора стала гладкой кожей. От пальцев до локтей эти прекрасные руки были покрыты запекшейся кровью, и Калар задохнулся от боли, когда Дрича выдернула их из его тела. Кровь хлынула из ран потоком, удушливая красная пена поднялась в горле.

Белое пламя клинка погасло, когда Калар выпустил его рукоять, и Дрича упала. Приняв эльфийское обличье, она рухнула на колени в снег. Клинок Калара был по рукоять всажен в ее живот, и она схватила его обеими руками, пытаясь выдернуть. Но даже сквозь боль она злобно улыбалась, наслаждаясь страданиями Калара.

Калар пошатнулся, кровь ручьями лилась из его тела. Раны его были смертельны. Он попытался заговорить, но кровь наполнила горло, и вместо слов он издал лишь неразборчивый хрип. Смутно он увидел, как Дрича стала призрачной, словно туман, ее глаза блеснули, и она растаяла, оставив Меч Гарамона на земле. Калар попытался подойти к нему, но зашатался, споткнулся и упал в снег. Он поднялся на ноги, намереваясь вернуть клинок, но упал с края мыса. Падая, он в отчаянии протянул руки к спящей богине.

Волна ледяного воздуха окатила его. Он сильно ударился о лед, упав на спину, и под ним тут же натекла лужа замерзающей крови.

Он знал, что должен встать, но чувствовал невероятную усталость. Все, на что у него хватало сил – держать глаза открытыми. Он лежал на льду, его кровь разливалась вокруг. Он не чувствовал холода, и хотя смутно понимал, что это дурной знак, но не мог собрать силы, чтобы встать.

Калар повернул голову, пытаясь сохранять сознание.

Он увидел пьедестал, на котором возлежала богиня, и призрачная улыбка мелькнула на его посиневших губах. Моргнув, он увидел еще один силуэт, стоявший рядом с богиней, но не мог сосредоточиться и разглядеть его. Это была не Дрича – Калар изгнал ее отсюда. Казалось, что у этой второй фигуры есть рога. Мгновение спустя, Калар разглядел, что это шлем. Китаэрос.

Он увидел, как эльфийский воин опустился на колени рядом со спящей богиней и поцеловал ее ледяные губы.

Повсюду вокруг стала происходить внезапная перемена. Неестественная зима уходила, и начала быстро наступать весна. Трава и ростки деревьев прорастали прямо сквозь быстро уменьшавшийся снежный покров, на ветвях набухали и разворачивались почки. Вот расцвели колокольчики, и бабочки наполнили воздух. Лед под Каларом растаял, и рыцарь погрузился в воду озера.

Вес доспехов тянул его на дно, и у него не было сил бороться. Но, глядя, как сияющий свет поверхности тускнеет в толще воды над ним, Калар не испытывал ни страха, ни сожаления. Пучки водорослей, похожие на ленты, безмятежно колыхались вокруг, и свет стал гаснуть. Мягко опустившись на дно озера, Калар ощущал лишь глубокое чувство покоя.

Тонкая струйка пузырей вырвалась из его рта, и это было все.

Холодные руки коснулись его, и он ощутил, что его тянут вверх из воды. Он не хотел пробуждаться. Ему так хотелось остаться в тишине на дне озера.

Он пытался сопротивляться, но в его конечностях не было силы, и, несмотря на его усилия, чьи-то руки мягко тянули его к поверхности.

Калар стоял на коленях, выкашливая воду из легких и тяжело дыша. Чувства постепенно возвращались к нему. В кирасе на груди зияли две страшных пробоины, но тело под ними было невредимо, не осталось даже шрамов.

Калар поднялся на ноги. Он был на берегу озера, на маленькой поляне, заросшей колокольчиками и окруженной туманом.

Из густого тумана появился Зеленый Рыцарь. Глаза бессмертного духа горели, а огромный клинок со свистом рассек воздух, устремившись к Калару.

Этот страшный меч – Клинок Скорби – был способен разрубить человека надвое. Калар отскочил назад, едва избежав удара.

Он потянулся за Мечом Гарамона, но ножны на поясе оказались пусты. Зеленый Рыцарь снова взмахнул мечом, и Калар бросился в сторону, едва не лишившись головы.

Он снял со спины тяжелый полуторный меч. Зеленый Рыцарь снова атаковал его, и Калар принял защитную стойку, блокируя удар. Он держал меч двумя руками, но мощь удара обрушила его на колени. В отчаянии Калар вскочил на ноги и снова поднял меч, пытаясь заблокировать очередной удар, который на этот раз, описывая смертоносный полукруг, был направлен в его живот.

Удар сотряс его руки и отбросил на два шага назад. Зеленый Рыцарь неостановимо наступал, не давая времени восстановить защиту. В атаке сверхъестественного воина не было ни изящества, ни коварства. Он просто неумолимо шел вперед, нанося удар за ударом с сокрушительной силой, и каждый из них мог стать смертельным.

Зеленый Рыцарь более чем на голову возвышался над Каларом, с каждым ударом отбрасывая его назад. Руки Калара онемели от страшной силы ударов, грозный противник не давал ему времени даже на мысль о контратаке.

Клубившийся туман продолжал сгущаться. Казалось, в этом тумане остался лишь он и его соперник. Больше ничего не имело значения.

В отчаянии Калар отступал шаг за шагом, используя все свои навыки и отточенные опытом боевые инстинкты, чтобы остаться в живых еще несколько секунд. Руки невыносимо устали, полуторный меч, казалось, налился свинцовой тяжестью. Зеленый Рыцарь, напротив, не испытывал усталости.

Наконец Калар увидел возможность. Он отразил мощный удар в голову сверху вниз, позволив светящемуся клинку противника соскользнуть вдоль его меча, и, резко развернувшись, отбил новый удар снизу. Ловко уклонившись, Калар избежал следующей атаки Зеленого Рыцаря, и всадил полуторный меч в его шею, вложив в удар всю тяжесть тела.

Его клинок вонзился в древние пластинчатые доспехи между шлемом и горжетом, и пробил звенья кольчуги под ними – но дальше не вошел. Казалось, что тело Зеленого Рыцаря сделано из железа. Сила удара болезненно сотрясла руки Калара.

Тыльной стороной руки Зеленый Рыцарь ударил Калара в челюсть, и он рухнул на землю, выплевывая кровь. Едва успев откатиться в сторону, Калар избежал удара Клинка Скорби. Огромный меч Зеленого Рыцаря вонзился в землю, и Калар, шатаясь, выпрямился.

Его руки пронзала боль, и он шагнул назад, ощущая как в сердце его закрадывается ужас. Он вложил все в этот удар, безупречно рассчитав время. После такого удара голова любого смертного врага слетела бы с плеч, но Зеленый Рыцарь остался невредим.

Очистив свой разум, Калар отбросил страх и призвал имя своей богини. Вдоль клинка его полуторного меча мелькнуло светлое пламя, и он ощутил, как новые силы вливаются в его тело.

С криком Калар бросился на Зеленого Рыцаря, нанося удары и уколы. Он сделал отвлекающий выпад сверху и атаковал снизу, его тяжелый меч мелькал в воздухе смертоносным полукружьем. Но каждый удар встречал Клинок Скорби, и искры летели снова и снова от скрещивавшихся мечей.

Калар и Зеленый Рыцарь сражались сейчас на равных, и никто из соперников не уступал другому. Исполненный священного света Владычицы, Калар смог сравниться в силе и ярости ударов со своим грозным противником, и какое-то время казалось, что бой будет длиться вечно – бесконечный поединок в тумане. Время потеряло свое значение. Существовал только бой. Ни один из бойцов не мог одолеть другого, и их клинки, нанося удары, мелькали так быстро, что казались размытыми пятнами.

Конца этому не было видно. Но внезапно Калар понял значение происходящего.

- Это не испытание воинского мастерства, - произнес он еле слышно, удивляясь, что не понял этого раньше.

Он отбил удар, направленный в шею, и, перехватив рукоять меча двумя руками, как кинжал, направил острие вниз. Всадив меч в землю, он опустился на одно колено, склонил голову и закрыл глаза. Он чувствовал, как Зеленый Рыцарь приближается, поднимая меч для смертельного удара.

- Я посвящаю мою жизнь службе Владычице, - произнес Калар.

Клинок Скорби опустился на его шею... и остановился. Калар ощущал кожей его холодное лезвие. Потом Зеленый Рыцарь убрал меч и отошел в сторону.

Открыв глаза, Калар увидел, как туман перед ним расходится, и в нем словно появляется коридор. Из вод озера поднялась фигура прекрасной женщины, увенчанная нимбом света и украшенная гирляндами плюща и лилий. Когда она появилась, ни малейшая рябь не коснулась поверхности озера. Ее волосы были цвета солнечных лучей, такого яркого, что по щекам Калара потекли слезы. Но никакая сила в мире не заставила бы его отвернуться от чудесного видения богини.

Владычица Озера плыла по воздуху навстречу Калару, ее ноги были в нескольких дюймах над поверхностью воды. Белые лилии падали с ее волос, словно дождь, и плыли за ней по поверхности озера. Она была облачена в слои струящегося легчайшего шелка, и она улыбалась, поднимая в руках большую чашу, полную воды.

Богиня остановилась над поверхностью озера, в нескольких ярдах от того места, где стоял на коленях и плакал Калар. Ее глаза сияли, словно осенние листья, полные золота, янтаря и бронзы, и она протянула Грааль рыцарю. Вода пролилась из священной чаши, словно жидкий солнечный свет.

Едва осмеливаясь дышать, Калар поднялся на ноги и шагнул на мелководье навстречу богине. Свет,

исходивший от нее, согревал ее лицо, и, протянув дрожащие руки, Калар взял чашу.

Она была тяжелой, и он ощутил странное покалывание в руках. Заглянув в бездонны глубины чудесного Грааля, Калар увидел безмолвные образы своего прошлого и будущего, отражающиеся там. Он поднес чашу к губам, но мгновение помедлил, прежде чем пить.

По легенде, лишь чистые сердцем и свободные от малейшей скверны в душе могли испить из Грааля Владычицы и остаться в живых.

Глубоко вздохнув, Калар поднял золотую чашу к губам и выпил.

XI

Битва за пределами Дуба Веков была яростной и ожесточенной. Солнечные лучи освещали трупы эльфов, усыпавшие поляну. Теперь, когда снег растаял, их кровь впитывалась в священную землю. Оставшиеся в живых эльфы собирали мертвецов, укладывали их на щиты и носилки, сплетенные из веток, и уносили в лес.

Груды гнилых сучьев и прелых листьев отмечали те места, где пали прислужницы Дричи. Их никто не убирал. Масса гниющих бревен, костей и сухой древесины – все, что осталось от дендроидов, когда колдовская зима была изгнана, и оживлявшие их духи покинули древесные тела. На поляне лежали и несколько более крупных силуэтов – безлистные мертвые деревья, которые еще недавно, направляемые злой волей, разбрасывали эльфов и коней каждым ударом своих могучих древесных рук. Теперь они были мертвы и неподвижны – пустые оболочки, которые скоро рассыплются и будут забыты.

Злобные птицы-падальщики, зимние волки и другие свирепые существа, вышедшие из диких чащ, чтобы участвовать в бойне, были рассеяны и бросились обратно в самые темные пределы леса зализывать раны.

Вдалеке трубили охотничьи рога – Дикие Всадники преследовали последние остатки войска Дричи, загоняя их обратно во мрак и убивая всех, кто не успевал уйти от них.

Цвет вернулся в Атэль Лорэн, и лес расцвел новой жизнью. Птицы и бабочки порхали среди ветвей, зацвело множество цветов, поворачивавшихся к восходящему солнцу. По стволам деревьев, словно змеи, ползли быстро разраставшиеся лозы плюща. Землю покрыли папоротники, их листья мягко колыхались под весенним ветром.

На ветвях громадного Дуба Веков, тянувшихся к солнцу, появились новые листья. По ветвям прыгали белки и кружились рои крылатых лесных духов и пикси. Огромные орлы криком приветствовали весну из своих гнезд в самых верхних ветвях Дуба Веков, над лесом кружились боевые ястребы, на их спинах с безупречным равновесием сидели эльфийские всадники. Десятки их погибли в бою, и гигантские птицы уносили своих убитых к далеким горам, держа в могучих когтях.

Величественный белый олень тоже пал, пронзенный руками-кинками десятка дриад. Леди Анара, сняв вуаль с лица, присела рядом с ним у гигантской арки Дуба Веков, держа на коленях голову благородного зверя.

Когда на нее упала тень, она обернулась. По ее прекрасному лицу текли слезы.

- Привет, сестра, - произнес Калар, выходя из Дуба Веков.

Его глаза сияли волшебным священным светом, он был окружен ореолом вроде нимба, словно утренние солнечные лучи притягивались к нему. Он казался выше, чем раньше, и морщины вокруг его глаз разгладились. Но он выглядел не столько помолодевшим, сколько неподвластным старению, и его глаза говорили о знании вещей, неизвестных смертным.

- Свет Владычицы ярко горит в тебе, брат, - сказала Анара. - Ты пил из Грааля.

- Да, - кивнул Калар. - Теперь мы с тобой - вечные слуги Владычицы. Наши жизни больше не принадлежат нам.

- Отец бы гордился...

- Да, он бы гордился, - на губах Калара мелькнула тень улыбки.

На поляну внезапно опустилась тишина. Все эльфы встали на колени, почтительно склонив головы.

Калар повернулся и тоже опустился на одно колено, склонив голову.

- Встань, Калар из Гарамона, - послышался мягкий мелодичный голос.

Калар поднял взгляд на двух божественных созданий, появившихся из Дуба Веков.

Они шли вместе, сияя волшебным светом. Та, что говорила с Каларом, была богиней, которую он видел спящей на каменном алтаре. Но теперь ее облик был не ледяным, а исполненным весеннего тепла, а полуночно-черные волосы стали золотыми, словно мед или солнечный свет. Сверхъестественно изящная, она двигалась с легкой и безупречной грацией, излучая спокойствие и безмятежность.

Она была гораздо выше, чем Калар, но черты ее лица были тонкими и прекрасными, голову украшала царственная тиара из серебра и плюща, в центре тиары сиял большой зеленый камень. В правой руке она держала высокий посох из светлого дерева, а левой держалась за руку своего спутника, короля-консорта.

Он был огромным, исполненным изящества и стихийной силы, шагая с обнаженной грудью рядом со своей королевой. Его рост достигал двенадцати футов, а кожа была зеленой, словно весенняя листва, и изукрашенной вьющимися узорами. Его ноги были покрыты мехом и заканчивались копытами, голову украшали огромные ветвистые рога. В руке он сжимал охотничье копье гигантских размеров, ударяя его древком о землю с каждым шагом. За спиной его висел большой изогнутый охотничий рог, который Калар сразу узнал. Король-в-лесу взирал на поляну, и глаза его были полны ярости и гнева.

- Моя госпожа Ариэль, - произнесла Анара. - Мой господин Орион.

Во всем они были противоположностью друг другу. Тогда как Ариэль излучала мир и безмятежность, в Орионе все говорило об агрессии и насилии.

- Атэль Лорэн обязан тебе, - сказала Ариэль, обращаясь к Калару. - Древний Коэддил изгнан обратно во тьму восточного предела, и зима уступила место весне. Равновесие восстановлено.

Калар низко поклонился.

Орион шагнул к Калару, глаза его были полны неукротимой ярости.

- Я помню тебя, - произнес Орион, его голос был звучным и мощным, преисполненным власти и магии.

Калар посмотрел в лицо яростного бога и увидел в нем нечто знакомое.

- Китаэрос?

Орион склонил голову набок, прищутив глаза.

- Того, кто носил это имя, уже нет, - сказал он. - Но что-то от него осталось внутри меня. Его воспоминания и мысли продолжают существовать...

Неукротимый взор золотистых глаз Ориона таил угрозу, и на мгновение казалось, что он может напасть на Калара. Но этот момент прошел, и живой бог вернулся к своей королеве.

- Мы можем как-то отблагодарить тебя за твою службу? - спросила Ариэль.

- Я прошу лишь мудрости вашего совета, Госпожа Леса, - сказал Калар, его голос не дрогнул, несмотря на взгляд немигающих глаз Ориона. - Дрича говорила о великой тьме, окружающей мою родину. Она сказала, что битва за Куронь уже идет, и пролилась кровь моего короля. Боюсь, что она не лгала, но я хотел бы узнать правду.

- Дрича сказала правду, Калар из Гарамона, - ответила Ариэль. - Бой балансирует на лезвии ножа.

Калар поклонился, но его лицо омрачилось.

Повинуясь жесту Ориона, эльф из его свиты подвел к Калару его боевого коня. Верный Галибор ткнулся мордой в хозяина. Калар погладил его, все еще хмурясь при мысли о битве в Курони, ехать до которой пришлось бы много недель.

Еще один эльф вышел вперед, держа в руках копьё, обернутое в роскошную ткань.

- Ты не просил награды, но я не могу позволить тебе покинуть наши владения с пустыми руками, - сказала Ариэль.

Калар принял протянутое ему копьё двумя руками, изумляясь тому, с каким искусством оно было сделано. Древко его было из светлой древесины, украшенной серебром, а изгибающийся стальной щиток для защиты руки изготовлен в виде головы дракона. Взяв копьё, Калар ощутил в нем сильную магию и удивлялся его легкости и прочности.

- Его имя Элит-Анар - Дух Рассвета, - сказала Ариэль. - Оно было принесено в лес очень давно из далекого Ультуана. Копьё хорошо тебе послужит, Калар из Гарамона.

- Госпожа Леса, это слишком щедрый дар, - сказал Калар.

- Прими его в знак нашей благодарности, - улыбаясь, сказала Ариэль.

Она обратила взгляд к Анаре, все еще сидевшей на земле и державшей на коленях голову убитого белого оленя.

- Ты приняла решение, кузина леса?

- Да, - ответила Анара.

- Ты не вернешься? - спросил Калар.

Анара покачала головой.

- Теперь мое место здесь, - сказала она. - Для меня больше нет ничего за пределами леса.

Ариэль повернулась к своему королю-консарту и прикоснулась своей изящной рукой к его мускулистой зеленоватой руке.

- Время пришло, любовь моя, - сказала она.

Орион кивнул, его глаза вспыхнули колдовским светом.

Он взял охотничий рог и воздел его к небесам. Словно что-то вспомнив, прежде чем трубить в рог, он обернулся к Калару.

- Ты со мной, Калар из Гарамона? Ты поскачешь вместе с Дикой Охотой?

- Я с вами, господин, - ответил Калар.

Орион свирепо усмехнулся и поднял рог к губам.

XII

Оглушительный гром гремел в небесах, словно барабаны богов, над полем боя бушевала буря с ливнем. В клубящихся тучах вспыхивали зигзаги молний, и каждая ослепительная вспышка освещала ошеломляющую картину жестокой битвы, разразившейся у огромных стен Курони.

Равнины у Курони заполнили орды живых мертвецов, их бесконечные ряды тянулись насколько хватало взгляда. Огромные массовые захоронения Музильона были опустошены, трупы убитых на войне, умерших от чумы и других болезней, вырыты и оживлены к проклятому существованию в виде нежити. Шатаясь, они брели вперед бесчисленными рядами, гонимые волей своего повелителя-вампира, чтобы убивать и калечить. Многие были лишь скелетами, одетыми в лохмотья табардов и ржавые обломки доспехов. Другие, не так давно умершие, были ходячими трупами, их гниющая плоть была мертвенно-бледной и раздувшейся. Некоторые держали в руках мечи и копья, которые они носили при жизни, но другие вовсе не были вооружены и убивали живых только своими покрытыми грязью ногтями и гнилыми зубами.

Тысячи лучников на стенах выпускали тучи стрел, но это не оказывало видимого эффекта на бесчисленную орду оживших трупов. Огромные требюше метали гигантские каменные глыбы, кружившиеся в воздухе под проливным дождем и обрушивавшиеся на густые толпы врагов, давя их сотнями. Но живые мертвецы шли и шли вперед сквозь трясину грязи и крови, не ведая паники и страха.

Десять тысяч ратников в табардах геральдических цветов короля были вовлечены в страшный бой перед воротами Курони. Вопли умирающих и ужасный всхлипывающий звук клинков, вонзающихся в плоть, достигали слуха тех, кто находился на городских стенах. Йомены-стражники и спешенные рыцари выкрикивали приказы, отчаянно пытаясь поддерживать порядок, но ужасные орды мертвецов наступали на них снова и снова, взбираясь по трупам павших.

Две армии ожесточенно сражались почти шесть часов, и бретонцы уже не выдерживали. Усталость и ужас перед врагами, восставшими из мертвых, брали свое, и решимость даже самых стойких воинов начала ломаться.

Затрубили трубы, и десятки клингов рыцарей, собравшихся со всей Бретонии, снова врезались в ряды врага. Впереди скакали молодые странствующие рыцари, все еще жаждавшие славы и отчаянно

желавшие проявить себя. Они прорубались сквозь ряды живых мертвецов, сражая сотни врагов копьями и мечами, и еще бесчисленное множество ходячих трупов было затоптано копытами их могучих боевых коней.

Рыцари погоняли своих скакунов, стремясь сохранить наступательный порыв атаки. Остановиться и увязнуть в бою означало смерть; тогда храбрые рыцари будут быстро окружены и задавлены бесчисленными толпами врагов. Один за другим рыцарские клинья теряли скорость, увязая в гуще живых мертвецов, сдавливаемые огромной численностью врага. Рыцари отчаянно отбивались, раскалывая черепа и отрубая тянущиеся гнилые руки, но одного за другим их стаскивали с седел. Их кони вопили в страхе, падая в грязь и исчезая под валом тел нежити, жаждавшей вкусить живой плоти.

Над сражавшимися армиями сквозь ливень и тучи стрел носились огромные стаи летучих мышей. Они бросались на людей и коней, вцеплялись в плоть, не защищенную доспехами, пили кровь, кусали и драли когтями. Некоторые из этих тварей были такими громадными, что могли повалить на землю боевого коня в доспехах, прежде чем выпить из жертвы всю кровь.

Посреди боя герцог Меровех из Музильона, и его сенешали, его рыцари-вампиры, прорубали в рядах бретонцев кровавую просеку, сражая каждого, кто оказывался перед ними. Сидевшие на огромных черных конях с глазами, пылающими, словно угли, они выбивали рыцарей из седел, рубя лучших воинов Бретонии с презрительной легкостью. Новые рыцари вставали перед ними, пытаясь остановить их неудержимый натиск, но все они становились жертвами убийственной ярости чемпионов Меровеха.

Эти рыцари-вампиры были быстрее и сильнее любого смертного, они сражались с бешеной свирепостью. В их красных глазах с расширенными зрачками пылала жажда крови. Они наносили удары с такой силой, что щиты раскалывались под их мечами и топорами. Их копыта пробивали латы, вышибая рыцарей из седла и сбрасывая их на землю как детей.

Меровех сражался, словно демон, оскалив острые клыки. Его белое как снег лицо забрызгала кровь, когда он одним ударом срубил голову рыцаря, и помчался дальше, направив своего чудовищного коня в тяжелой броне к огромным воротам Курони. Он рубил направо и налево, убивая с каждым ударом.

Центр бретонского боевого порядка прогнулся, угрожая рассыпаться в любой момент. Резервные отряды рыцарей выехали вперед, чтобы удержать оборону, но бретонский строй продолжал прогибаться.

С небес упала огромная тень - король Луэн Леонкёр ворвался в гущу битвы.

Сидевший верхом на свирепом гиппогрифе, король приземлился среди рыцарей-вампиров, отбросив нескольких из них силой удара и остановив их атаку. Один из мертвенно-бледных рыцарей Меровеха был пронзен ударом сияющего копья короля, а еще два вампира были разорваны на куски его гиппогрифом. Их кровь окрасила шестидюймовые когти зверя и стекала с его изогнутого клюва. Издав оглушительный рев, гиппогриф взрыл когтями землю. Король отбросил копьё и выхватил свой древний меч, его клинок сиял подобно солнцу.

Десяток рыцарей на яростно фыркающих королевских пегасах спустились с небес вслед за королем, удары их копий и копыт их скакунов выбивали врагов из седел. Один из рыцарей развернул королевское знамя, и в рядах бретонцев послышались радостные крики, когда они узрели великолепный герб их короля.

Леонкёр сразил первого из темных рыцарей, бросившихся на него, приняв удар на свой священный Львиный щит и всадив клинок в грудь вампира. Король уклонился в седле, избегая выпада другого врага,

и молниеносным ответным выпадом поразил вампира в лицо.

Рванувшись вперед, королевский гиппогриф повалил на землю другого рыцаря-вампира, пригвоздив его своими когтями, глубоко вонзившимися в доспехи, и клювом вырвал горло вампира, разбрызгивая кровь и почти обезглавив врага.

Ловко повернув меч, король отбил зазубренный клинок, направленный в его сердце. Вампир оскалил клыки, его глаза превратились в сверкающие точки. Зашипев, он отшатнулся от ослепительного сияния королевского меча, лицо вампира стало покрываться волдырями, словно от солнечного света. Клинок Леонкёра рассек голову вампира, разрубив шлем и череп. Выдернув оружие из трупа, король повел яростным взором в поисках следующего врага.

Копье вонзилось в грудь королевского гиппогрифа, удар был нанесен с такой силой, что пробил броню и мышцы, вонзившись глубоко в тело могучего зверя, и поразил его сердце.

Каждый воин на стенах Курони видел, как гиппогриф короля с последним пронзительным криком рухнул в грязь. Дождь продолжал лить, сверкали молнии, освещая страшный силуэт Меровеха, возвышавшегося над упавшим королем, сидя в седле своего ужасного коня. Леонкёра придавило тяжестью убитого гиппогрифа, и он не мог подняться. С яростью глядя на лорда вампиров, король прошептал проклятье. Герцог-вампир улыбнулся, обнажив длинные клыки. Спрыгнув с седла своего дьявольского скакуна, Меровех подошел к королю и занес огромный зазубренный меч, готовясь нанести смертельный удар.

- Король! Король! - закричал королевский знаменосец, и бретонские рыцари бросились вперед, чтобы защитить своего сюзерена. Они столкнулись с яростью Меровеха и его воинов, и разыгралась отчаянная схватка. Десятки верных рыцарей бросались на врага, вставая между королем и смертоносными вампирами, дорого продавая свои жизни. Меровех смеялся, убивая, и ужасное эхо его смеха разносилось над полем битвы.

Исход боя балансировал на острие ножа. Меровех рубил рыцарей, встававших между ним и королем. Он всадил свой огромный меч в шею знаменосца, клинок разрубил броню, плоть и кости, и королевское знамя рухнуло.

Рыцари и ратники на поле боя увидели, как великолепный штандарт пал, и это подорвало их решимость сражаться.

Паника начиналась понемногу, сначала один ратник повернулся, чтобы бежать от ужасной орды живых мертвецов, но вскоре бегство превратилось в неуправляемый поток. Паника была заразна, и вот уже тысячи солдат-простолюдинов бежали к воротам Курони, давя друг друга в попытках спастись и не обращая внимания на окрики рыцарей и йоменов. Бегство стало неостановимым, и с каждой секундой число бегущих увеличивалось. Поток людей вслепую хлынул назад, и орды нежити прорвали бретонский строй.

- Король жив! - закричал темноволосый рыцарь, подняв королевское знамя с земли, но его услышали лишь те, кто находился поблизости. Его голос был заглушен хором панических криков, и весть о гибели короля продолжала распространяться.

Трубы затрубили отступление, и бретонская армия стала покидать равнину. Эхо разносило над полем боя зловещий смех Меровеха.

Внезапно в небесах раздался громкий рев охотничьего рога, заглушая даже гром и ужасный лязг

оружия. Это был звук охоты, и он шел с востока, с тыла армии Меровеха. Бретонские воины на стенах обратили взор к востоку, те, кто бежал с поля боя, остановились, вытягивая шеи, пытаясь разглядеть, что происходит.

Грозовые тучи на горизонте разошлись, и в разрывах между ними засиял солнечный свет. Оглушительный рев охотничьего рога прозвучал снова, и из лесов за войском Музильона появилась новая армия с огромной рогатой фигурой во главе. Вырвавшись из-за деревьев неудержимым потоком, эта армия врезалась в тыл орды живых мертвецов.

В рядах бретонцев послышался потрясенный ропот.

- Волшебный народ! - благоговейно повторяли голоса. - Волшебный народ пришел нам на помощь!

Впереди всех в атаку мчался Орион, эхо его охотничьего рога еще звучало в небесах. Могучий рогатый бог охоты бросился с холма на армию мертвецов. Он бежал быстрее лучших эльфийских скакунов, на бегу пуская стрелы из огромного лука. Древко каждой стрелы было длиной в рост человека, они били с такой силой, что каждая стрела пронзала полдюжины оживленных трупов.

Калар скакал по склону холма рядом с живым богом, его волшебное эльфийское копьё Элит-Анар сияло белым пламенем. Сердце рыцаря преисполнилось гнева, когда он увидел огромную армию нежити, осадившую Куронь, глаза Калара горели священным огнем. Он пришпорил Галибора, чтобы не отставать от яростного бога лесов, и опустил копьё, готовясь вонзить его в ряды врагов.

Дикая Охота мчалась за своим разъяренным королем. Все создания леса, и эльфы и лесные духи, были вовлечены в эту свирепую охоту, не в силах противостоять призыву их повелителя. Все они были охвачены той же неутолимой жаждой крови, что испытывал Орион.

Мистические Дикае Всадники в боевой раскраске скакали подобно вихрю, завывая в небеса и прижавшись к шеям своих эльфийских скакунов, в их глазах горел волшебный огонь. Мстительные дриады, принявшие боевое обличье, рычали и шипели, мчась вперед, их конечности превратились в смертоносные шипы и колючие когти. Огромные дендрониды, сотрясая землю своими шагами, появились из леса, их гулкий рев разносился словно звук медных труб.

Волки, олени, кабаны и дикие кошки откликнулись на зов рога Короля-в-лесу и бежали за ним все быстрее, их становилось все больше, а ярость Ориона вгоняла их в безумие. Тучи черных ворон, орлов и сов летели за ним, их острые клювы и когти были готовы рвать и калечить.

Из лесов появлялись эльфы на конях и боевых ястребах, наконечники их копий сверкали. Другие бежали в бой пешком, пуская стрелы на ходу, их лица являли собой маски звериной ярости.

С эльфийским войском летели огромные тучи маленьких лесных духов, некоторые из них ехали на спинах птиц и зверей, другие порхали в воздухе на своих хрустальных крыльях. Один такой дух, облаченный в миниатюрные сияющие доспехи и вооруженный крошечным копьём, летел над плечом Калара, издавая пронзительный боевой клич.

Даже Дух Ветвей Дрича присоединилась к Дикой Охоте, направив теперь всю свою злобу против легионов нежити.

Дикая Охота врезалась в тыл армии Музильона, Орион разбрасывал перед собой ходячих мертвецов. Повелитель лесов не замедлил своего бега, мчась сквозь ряды нежити, и каждым ударом своего огромного охотничьего копья раскидывая десятки врагов. Калар скакал рядом с ним, ожившие трупы

валились под ударами его копья и меча. Галибор тяжестью своего бронированного корпуса валил с ног врагов и давил их копытами.

Дикая Охота атаковала врага с неукротимой яростью, безудержным потоком прорываясь сквозь ряды нежити. В своем неуправляемом порыве, истребляя все на своем пути, они вогнали клин глубоко в центр армии Музильона.

Ратники-скелеты, сжимавшие в костяных руках ржавые копья, разлетались в стороны под ударами, их кости раскалывались, черепа вдавливались в грязь. Эльфы, дриады, волки и лесные духи, сражаясь бок о бок, прорывались сквозь ряды врагов, рубя, кусая и разрывая, оставляя за собой лишь неподвижные останки – свидетельство их ярости.

Калар разил врагов, как и подобает святому паладину Владычицы, его меч сиял пламенем, глаза горели волшебным светом. Его одного не затронула ярость, наполнявшая всех, кто мчался в Дикой Охоте с Орионом, но от этого он не стал менее опасен. Каждый его удар губил врагов Бретонии. Он чувствовал, как в его венах пылает сила Грааля.

Враги падали перед ним, словно пшеница под косой. Калар предвидел удар каждого копья и ржавого меча за мгновения до того, как враги наносили их, и легко их отбивал. Его же удары были сокрушительны, они раскалывали кости и ломали клинки.

Он увидел знамя Леонкёра в гуще битвы и прищурил глаза. Почувствовав его намерение, Орион обернулся к нему. Лицо Короля-в-лесу застыло маской звериной ярости, но было в нем и благородство. Он кивнул Калару своей рогатой головой, и на мгновение рыцарь увидел в облике живого бога черты эльфийского воина Китаэроса. Калар поклонился повелителю лесов и, направив Галибора в сторону от Дикой Охоты, стал пробиваться к королевскому знамени.

Увидев Меровеха, возвышавшегося над поверженным королем Бретонии, Калар с криком погнал коня еще быстрее. Живые мертвецы падали перед ним, словно трава, когда он пробивался сквозь их ряды к своему заклятому врагу. Он был сияющим светом, пробивавшимся сквозь тьму и проливной дождь.

- Меровех! - взревел Калар, его голос был преисполнен силы Владычицы.

Нечестивые сенешали герцога-вампира встали между Каларом и их темным повелителем. Их глаза были полны ненависти, но был в них и страх – сияющий свет богини, который излучал Калар, был проклятьем для этих созданий ночи, и даже взгляд на него причинял им боль.

Каждый из рыцарей-вампиров, облаченных в древние доспехи, был могучим воином и по праву темным чемпионом, но они не могли и надеяться сдержать яростную атаку Калара. Его эльфийское копьё Элит-Анар вонзилось в грудь одного из вампиров, пронзив его черное сердце и выбив дьявольское создание из седла. Сверкнул Меч Гарамона, и голова другого чемпиона Меровеха в шлеме с изображением дракона взлетела в воздух, рот вампира был раскрыт в безмолвном вопле.

- Меровех! - закричал Калар снова, и еще один темный рыцарь пал под его клинком. Отразив свирепый удар большого меча, Калар молниеносным ответным выпадом всадил клинок в лицо другого сенешала Меровеха. Меч Гарамона вспыхнул белым пламенем, от которого плоть вампира почернела и вздулась.

Проклятый герцог Музильона обратил свой взор к Калару, отвернувшись от бретонского короля, все еще придавленного тяжестью мертвого гиппогрифа.

На лице Меровеха, белом как снег, застыло высокомерно-безразличное выражение. Его волосы тоже

были алебастрово-белыми и свисали на его черные доспехи. Он небрежно поднял свой зазубренный клинок. Меч был такого размера, что даже сильному воину пришлось бы держать его двуручной хваткой, но герцог-вампир, держа его одной рукой, достал второй меч и стал вращать оба клинка.

Калар видел, как может сражаться повелитель вампиров. Он знал о невероятной скорости и страшной силе Меровеха.

- Владычица, направь мой удар, - прошептал Калар, направив копьё.

Казалось, время замедлилось.

Калар видел мельчайшие подробности, когда он на полном скаку столкнулся с врагом. Он видел аристократическое презрение в глазах Меровеха, горевших, словно у волка, отражая священный свет, окружавший Калара. Он видел тускло светившиеся руны на клинках вампира, и видел каждую дождевую каплю, разбивавшуюся о черные рифленые доспехи врага.

Он видел, что король Луэн Леонкёр смотрит на него, и видел, как Рабен, опозоренный рыцарь, вместе с которым он сражался в проклятом Музильоне, высоко держит королевское знамя. Удивительно, но он увидел среди битвы даже своего прежнего слугу горбуна Клода, отчаянно сражавшегося своей тяжелой шипастой дубиной рядом с Рабеном.

Калар привстал в седле, чтобы нанести удар. Копьё Элит-Анар было нацелено прямо в грудь вампира, но Меровех повернул один из своих клинков со сверхъестественной скоростью, чтобы отразить удар копья изящным круговым парированием. Калар, лишь слегка двинув рукой, направил наконечник своего эльфийского копья вокруг клинка вампира, не позволив отразить удар. Мелькнул второй меч Меровеха, но Калар, проявив скорость и воинское мастерство, превосходящие даже способности лорда-вампира, снова повернул руку, и сияющий наконечник копья обошел второй клинок.

Копьё вонзилось в горло Меровеха, наконечник вышел из затылка с фонтаном черной крови. Калар, выпустив из рук копьё, проскакал мимо герцога-вампира, рухнувшего на колени.

Натянув поводья, Калар резко развернул Галибора. Под ногами вампира собиралась лужа черной крови, и Калар видел, что Меровех потрясен. Герцог пытался что-то сказать, но из его рта появлялись лишь кровавые пузыри. Калар спрыгнул с седла и бросился к Меровеху, в руке его сиял Меч Гарамона.

Вампир вырвал копьё из горла и вскочил на ноги. Меровех потерял один из своих клинков, второй он держал двумя руками. Зашипев, он бросился на Калара.

Сверкнул Меч Гарамона, отбив клинок Меровеха. Калар позволил энергии удара развернуть его, и на долю секунды оказался спиной к врагу. Движением таким быстрым, что оно казалось размытым пятном, он повернул меч, перехватив его как кинжал, и метнувшись назад, вонзил клинок в грудь Меровеха.

Меч вошел глубоко, остановившись только когда перекрестие уперлось в кирасу вампира.

- Тебе конец, - выдохнул Калар.

Рот вампира открылся в последнем беззвучном вопле. Его кожа начала увядать и чернеть, словно пергамент под пламенем свечи.

Калар вырвал клинок, и существо, которое было Меровехом, рухнуло, рассыпаясь могильным прахом. Вся огромная армия живых мертвецов повалилась на землю, темная магия, связывавшая и оживлявшая их, развеялась. Дождь прекратился, и воющий ветер стал очищать небо от туч.

Несколько рыцарей бросились на помощь королю. Другие, окровавленные и измученные, отрешенно оглядывались вокруг, еще не понимая, что битва кончилась. Клод смотрел на Калара, открыв рот от изумления.

- Ты не спешил, - сказал Рабен с кривой усмешкой.

Наконец освобожденный из-под мертвого гиппогрифа король Луэн Леонкёр встал на ноги. Калар опустился на колени, то же сделали все остальные воины на поле. Клод все еще удивленно глазел на Калара, и его силой пришлось опустить на колени.

- Встань, - сказал король, и Калар поднял голову. Леонкёр кивнул, и Калар поднялся с колен.

- Как тебя зовут? - спросил король.

- Калар из Гарамона, - ответил он, гордо подняв голову. - Рыцарь Грааля.

ЭПИЛОГ

Одинокий рыцарь преклонил колени в молитве на каменистом берегу. В это время тысячи норсканских кораблей устремились к берегу. Ледяной ветер, порожденный силами Хаоса, наполнял их паруса, неся свирепых воинов Темных Богов к бретонским берегам.

Один из кораблей, крупнее других, с парусом, расписанным гибельными колдовскими рунами, вырвался вперед, его таран из темного железа разрезал волны. Хускарлы в тяжелых доспехах налегали на весла под грохот бронзового боевого барабана.

Корабль поднялся на гребень волны, но его кормчий знал свое дело, и судно сохраняло курс, устремляясь к берегу. Даже когда корабль выбросился на берег, пропахав борозду в черных камнях, одинокий рыцарь не оторвался от своей молитвы. Он не поднял голову и когда хускарлы в рогатых шлемах вытащили корабль на берег.

На корме корабля стоял огромный трон, почерневший от огня, и с него поднялся седовласый гигант с раздвоенной бородой. Это был Стирбьорн, верховный ярл скелингов. Хотя он выглядел, вероятно, лет на шестьдесят, в действительности он был гораздо старше. Но его руки были по-прежнему сильны и мускулисты, и его боевая ярость была страшна, как всегда. На его спине висели двойные топоры. Он кивнул, заметив одинокого рыцаря, словно ожидал увидеть его здесь.

Только когда этот огромный воин подошел к нему, рыцарь поднялся на ноги.

Рядом с вождем норсканцев стоял старый сгорбленный шаман, одетый в потрепанный меховой плащ. Он плюнул под ноги бретонскому рыцарю.

- Это хорошо, что ты здесь, - сказал верховный ярл Стирбьорн, его слова переводил шаман, который говорил на бретонском языке со странным, но узнаваемым акцентом.

- Я сказал, что буду ждать, - ответил Калар из Гарамона. В его глазах сверкнул свет Владычицы. - А я не тот человек, который нарушает слово.

Более пятидесяти лет рыцарь Грааля Калар сражался с врагами Бретонии, и его деяния и подвиги прославлялись в землях королевства. Но его лицо было таким же молодым, как в тот день, когда он испил из Грааля, и в волосах его не было седины.

За прошедшую половину столетия он видел такое, о чем немногие могли даже помыслить. Видел он и смерть многих храбрых и достойных людей.

Он часто думал о своих старых друзьях, хотя они уже давно ушли в вечное царство Морра. Рабен, который стал уважаемым рыцарем, отправился на поиск Грааля и пропал в песках Нехекхары. Имперский дворянин Дитер Вешлер после скандальной свадьбы со своей бретонской любовницей стал очень богатым и могущественным дипломатом при дворе короля. Даже его низкородный слуга горбун Клод сумел возвыситься вопреки всем ожиданиям.

Взгляд верховного ярла скользнул мимо Калара, устремившись к огромной бретонской армии, ожидавшей на поле недалеко от берега. Тысячи рыцарей и ратников, собравшихся здесь, смотрели и ждали, так же как за спиной ярла ждала его армия, закаленная в десятилетиях жестоких войн.

Ледяной ветер дул с севера, гремел гром, вспыхивали молнии. Это был хороший знак.

- Взгляды моих богов устремлены на нас, - сказал верховный ярл Стирбьорн.

- А богиня этой земли со мной, - ответил Калар. - Давай закончим, норсканец.

- Как пожелаешь, - кивнул Стирбьорн. Повернувшись, ярл махнул рукой одному из своих людей.

Калар смотрел, как к ним приближается воин с мрачным лицом. Он был не таким огромным, как иные хускарлы, но от этого он был не менее устрашающим. Его кожа блестела странным медно-красным отблеском, а глаза были пугающе черными, с серебристыми зрачками. Он смотрел на Калара, не мигая.

Калар чувствовал, как внутри этого воина бьется демон, но еще более тревожным было то, что в лице этого существа можно было заметить черты Элизабет, женщины, которую Калар когда-то любил.

Это был отпрыск Стирбьорна и Элизабет, демоническое дитя, из-за которого умерли столько людей.

- Сражайся хорошо, сын мой, - сказал Стирбьорн, отступив в сторону.

Демон направился к Калару, сняв со спины огромный двуручный топор, вдоль лезвия которого колыхалось темное пламя.

Калар вынул из ножен Меч Гарамона и пошел навстречу врагу, его клинок был окутан белым огнем.

- Владычица, направь мой клинок, - прошептал Калар.

Гром ударил в небесах и под взглядами бретонской и норсканской армий два чемпиона богов сошлись в поединке.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рыцарь_Грааля/_Grail_Knight_\(повесть\)&oldid=9480](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рыцарь_Грааля/_Grail_Knight_(повесть)&oldid=9480)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 13:43.